

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

14.2

3 выпуска в год на многих языках

Социология говорит
с Сари Ханафи

Тора Бьорке Сандберг
Хелле Хаглунд

Сотрудничество
по линии Юг-Юг
и расиализация

Каролина Вестена
Эрик Цезне
Мари Стиллер
Роос Виссер
Кристин Хацки
Сара фон Биллербек
Ксения Оксамытна

Антирост и постэкстрактивизм
как глобальная
справедливость

Мириам Лэнг
Бенги Акбулут
Татьяна Роа Авенданьо
Пабло Бертинат
Зо Рандриамаро

Открытые движения

Ана Сильвия Монсон
Кармен Хемита Оярсо Видаль
Хулиан Ребон
Карлос де Хесус Гомес-Абарка

Теоретические
подходы

Надя Бу Али
Рей Брассиер

Открытый раздел

- > Экологическое измерение трудовых конфликтов
- > Цифровая двойная связь Ближнего Востока
- > Открытое письмо ученых Газы

ЖУРНАЛ

ТОМ 14 / ВЫПУСК 2 / АВГУСТ 2024
<https://globaldialogue.isa-sociology.org/>

ГД

International
Sociological
Association
isa

> От редакции

Мы работаем над этим номером ГД, когда Газа лежит в руинах. Мы не можем закрыть глаза на эту трагедию. Вот почему этот номер начинается и завершается темой войны в Газе. В нашей постоянной рубрике интервью дает бывший президент МСА Сари Ханафи, палестинский сириец по происхождению, который жил в Палестине во время второй интифады, *al-Aqsa intifada*. Он на собственном опыте знает, каковы последствия израильского проекта, который он называет «убийством пространства» – ‘spacio-cide’. В этом диалоге он делится своими размышлениями о войне в Газе, об институциональном бойкоте израильских учреждений и критикует неадекватные и ложные, по его мнению, общепринятые трактовки войны.

В фокусе тематических разделов этого номера – сотрудничество стран Юга и Северо-южные отношения. Первый симпозиум, подготовленный Каролиной Вестеной, Эриком Цезне и Мари Стиллер, анализирует динамику иерархизации и расиализации сотрудничества между странами Глобального Юга. Авторы утверждают, что анализ проблем сотрудничества на Глобальном Юге должен учитывать более широкие формы господства, которые лежат в их основании. Статьи этого раздела выходят за пределы тематики взаимной помощи и симметричной кооперации. Они конкретно обсуждают реальных опыт южного сотрудничества, который пронизывает межличностная и институциональная формы расиализации.

Следующий раздел посвящен синергии возможностей, вызванных прекращением роста на Глобальном Севере и постэкстрактивистским альтернативам Глобального Юга. Статьи этой рубрики посвящены таким проблемам, как глобальные асимметрии и отношения Севера и Юга, глобальные деколонизационные альянсы, направленные против зеленого роста, потребность противостоять подходу «справедливого экосоциального перехода» и различным путям построения грасрутного энергетического перехода, а также антиколониальному климатическому движению, которое предлагает альтернативу капитализму и защищает жизнь в ее основе. Этот раздел вдохновлен более широкими диалогами между Экосоциальным Пактом Юга и его союзниками на Глобальном Севере и Юге (см. [The Geopolitics of Green Colonialism: Global Justice and Ecosocial Transitions](#) [Геополитика зеленого

колониализма: глобальная справедливость и экосоциальные переходы]).

Рубрика «Открытые движения» представляет обзор общественных движений и акций протеста в контексте политических процессов, происходящих в четырех латиноамериканских странах. Ана Сильвия Монсон показывает, как в Гватемале индигенность и народная поддержка стали основными характеристиками выборов нынешнего прогрессивного президента страны. Социологи Бернардо Аревало и Кармен Хемита Оярсо обсуждают ожидания перемен в Чили, порожденные конституционным процессом, причины его провала и последующую реконфигурацию движений. Далее Хулиан Ребон анализирует протесты против президента Аргентины Милея во время первых ста дней его правления, а Хесус Гомес-Абарка обращается к случаю исчезновения в Айтотсинане сорока трех студентов в контексте десятилетия безнаказанности в Мексике.

В теоретической рубрике Надя Бу Али и Рей Брасьер вводят понятие «избыточного населения» (“surplus population”) для анализа массовой безработицы. Эта статья публикуется здесь в партнерстве с Институтом Аламеды.

Наконец, в *Открытом Разделе* Саймон Шаупп обсуждает как трудовые конфликты связаны с отношениями между капиталистическим процессом труда и экологическим кризисом; социологи из Катара Мохамед Заяни и Джо Ф. Халил представляют основные тренды и последствия цифровой трансформации на Ближнем Востоке. Последняя статья – это призыв, а, может быть, даже и крик отчаяния, подписанный 158 палестинскими учеными и сотрудниками университетов Газы. Они призывают ученых и университеты всего мира помочь им в сопротивлении израильской кампании уничтожения науки (“scholasticide”) и в восстановлении их университетов. В своем интервью Сари Ханафи говорил о моральной и социальной ответственности научных институтов. Я бы добавил к этому, что глобальный диалог невозможен, если мы не будем бороться против иерархий и колониальных и авторитарных властей. ■

Брено Брингель, редактор *Глобального диалога*

> Глобальный диалог можно найти на нескольких языках на [сайте](#).

> Статьи для публикации присылайте на адрес: globaldialogue@isa-sociology.org.

isa International
Sociological
Association

**GLOBAL
DIALOGUE**

> Редакторский совет

Редактор: Брено Брингель.

Помощники редактора: Витория Гонзалес, Каролина Вестена.

Ассоциированный редактор: Кристофер Эванс.

Управляющие редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Консультанты: Майкл Буравой, Бриггит Ауленбахер, Клаус Дёрре.

Региональные редакторы

Арабский мир: (Ливан) Сари Ханафи, (Тунис) Фатима Радуани, Сафуан Трabelси.

Аргентина: Магдалена Лемус, Хуан Парсио, Данте Марчиссио.

Бангладеш: Хабибуль Хондкер, Хайруль Чоудхури, Биджой Кришна Баник, Абдур Рашид, Саркер Сохель Рана, Мд. Шахидуль Ислам, Хелаль Уддин, Ясмин Султана, Салех Аль Мамун, Экрамул Кабир Рана, Фархин Актер Бхуян, Хадиза Хатун, Айша Сиддик Хумайра, Арифур Рахаман, Истиак Нур Мухит, Мд. Шахин Актар, Сурайя Ахтер, Аламгир Кабир, Таслима Насрин.

Бразилия: Фабрисо Масиэль, Андреса Галли, Жозе Гирадо Нето, Жессика Маззини Мендес, Рикардо Нобрега.

Индия: Рашми Джайн, Маниш Ядав.

Иран: Рейханех Джавади, Ниаеш Долати, Эльхам Шуштаризаде, Али Рагеб.

Польша: Александра Бьернацка, Анна Тернер, Джоанна Беднарек, Уршула Ярецка.

Румыния: Ралука Попеску, Раиса-Габриэла Замфиреску, Бьянка Елена Михэилэ.

Россия: Елена Здравомыслова, Дарья Холодова.

Тайвань: Ван-Ю Ли, Тао-Юнг Лу, Чие-Инг Чие, Чжи Хао Керк, Марк И-Вэй Лай, Юн-Жоу Лин, Ю-Вен Ляо, Юн-Хсуан Чоу.

Турция: Гюль Чорбаджиоглу, Ирмак Эврен.

Франция/Испания: Лола Бусуттил

В разделе «Социология говорит» норвежские социологи Тора Бьорке Сандберг и Хелле Хаглунд разговаривают с бывшим президентом МСА Сари Ханафи о текущей войне в Газе.

Тематический раздел «Кооперация по линии Юг-Юг и расиализация» показывает основные формы доминирования, пронизывающие кооперацию Юга с Югом, чтобы проанализировать основные проблемы глобальной кооперации.

Тематический раздел «Открытые движения» представляет обзор роли протестов и общественных движений в современных политических процессах в четырех латиноамериканских странах..

Иллюстрация обложки: Дворец Планальто, Бразилия. Фото: Lucas Leffa @lleffa, 2024.

Глобальный диалог выходит благодаря щедрому гранту SAGE Publications.

> В этом выпуске

От редакции **2**

> СОЦИОЛОГИЯ ГОВОРИТ

Война в Газе и ответственность университетов:
Интервью с Сари Ханафи

Тора Бьорке Сандберг и Хелле Хаглунд, Норвегия **5**

> КООПЕРАЦИЯ ПО ЛИНИИ ЮГ-ЮГ И РАСИАЛИЗАЦИЯ

Иерархии и расиализация в условиях сотрудничества
по линии Юг-Юг

**Каролина Вестена, Германия, Эрик Цезне, Нидерланды и
Мари Стилер** **9**

Понятие «Глобальный Юг» и его нереализованные
антирасистские идеалы

Мари Стилер **11**

Расовый вопрос во взаимодействиях между
Африкой и Китаем

Эрик Цезне и Роос Виссер, Нидерланды **13**

Пионерное сотрудничество между странами Юга: Ангола
и Куба (1975-1991)

Кристин Хацки, Германия **15**

Возможно ли преодоление расовых иерархий
в миротворческом процессе ООН

Сара фон Биллербек и Ксения Оксамытна, ВБ **17**

> АНТИРОСТ И ПОСТЭКСТРАКТИВИЗМ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Антирост, глобальные асимметрии и экосоциальная
справедливость

Мириам Лэнг, Эквадор **19**

Феминистский проект антироста и экосоциальный переход

Бенги Акбулут, Канада **22**

Как построить справедливый и народный
энергетический переход?

**Татьяна Роа Авенданьо, Колумбия и
Пабло Бертинат, Аргентина** **25**

(Пан)африканские экофеминистские движения

Зо Рандриамаро, Мадагаскар **28**

> ОТКРЫТЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Хроника ста шести решающих дней для
демократии в Гватемале

Ана Сильвия Монсон, Гватемала **31**

Социальные движения после неудачи конституционного
процесса в Чили

Кармен Хемита Ойарсо Видаль, Чили **34**

Подъем сопротивления правительству Милея

Хулиан Ребон, Аргентина **37**

Айотсинапа: десять лет безнаказанности

Карлос де Хесус Гомес-Абарка, Мексика **39**

> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Излишек и перемещение, беженцы и мигранты

Надя Бу Али и Рей Брассиер, Ливан **41**

> ОТКРЫТЫЙ РАЗДЕЛ

Апроприация или использование. Экологическое
измерение трудовых конфликтов

Саймон Шаупп, Швейцария **45**

Цифровая двойная связь (Double Bind)
на Ближнем Востоке

Мохамед Заяни и Джо Ф. Халил, Катар **47**

Открытое письмо ученых Газы

Ученые Газы **49**

“Бойкот против индивидов часто является полем интервенции культуры отмены. Институциональный бойкот, напротив, нацелен на сопричастность институтов к активной опрессивной власти”

Сари Ханафи

> Война в Газе

и ответственность университетов

Интервью с Сари Ханафи

Сари Ханафи в про-палестинском лагере в Осло. Фото из личного архива.

Сари Ханафи – профессор социологии, директор Центра Арабских и Ближневосточных Исследований, руководитель Программы исламских исследований Американского Университета в Бейруте. Он является членом- корреспондентом Британской Академии, занимал пост президента МСА в 2018-23 годах. Ханафи – автор множества публикаций, посвященных социологии религии, социологии вынужденной миграции (на примере палестинских беженцев) и политике научных исследований. Будучи сирийским палестинцем, Ханафи жил в Палестине в период второй интифады (*al-Aqsa intifada*). Он на собственном опыте знает, что такое жизнь в условиях того, что он называет израильским Проектом убийства пространства (*spacio-cidal Israeli project*). В этом диалоге он рассуждает о войне в Газе, призывает к бойкоту израильских институций и критикует некоторые интерпретации текущей войны, которые он считает ошибочными или недостаточными. Интервью состоялось 24 мая 2024 года, его провели **Тора Бьерке Сандберг** и **Хелле Хаглунд**, участницы издательского проекта Норвежской Социологической Ассоциации Sosiologen.no, базирующегося в Осло и поддержанного корпорацией OsloMet, университетом Бергена, NTNU, Университетом Осло и Университетом Тремсо.

Тора Бьерке Сандерс (ТБС) и Хелле Хаглунд (ХХ): Профессор Ханафи, что Вы подумали сразу после атаки 7 октября? Как это ужасное событие повлияло на ваше видение текущей войны в Газе?

Сари Ханафи (СХ): Эта война началась в 1947 году и разворачивается с тех пор как серия эпизодов. Я рассматриваю палестинское нападение 7 октября как часть этого длительного процесса колонизации и сопротивления этой колонизации. С тех пор, как израильтяне, правительство или общественное мнение, решили не

>>

выполнять условия мирных переговоров в Осло, жестоко подавив вторую Интифад, захват Западного Берега и блокада гетто в Газе были омерзительными действиями (согласно [статистике ООН](#), число палестинцев, убитых израильтянами в 21 раз больше числа израильтян, убитых палестинцами); кроме того, ущерб палестинцам исчисляется потерей территорий, экспансией и расширением нелегальных поселений и проч. В таких условиях трудно ожидать, что палестинское сопротивление будет милым и добрым. С социологической точки зрения, так думать – значит принимать желаемое за действительное. И все же как социолог, который размышляет о социальной и моральной ответственности, я должен занять определенную позицию. Некоторые используют историю израильского насилия в регионе для оправдания ХАМАС.

Другие, напротив, утверждают, что несправедливо требовать морального равновесия от палестинцев, чья жизнь поставлена на карту. Но возможно неготовность некоторых из нас высказать моральное суждение о действиях ХАМАС вызвано тем, что мы не знаем, как бы мы действовали или реагировали, если бы мы жили в концлагере в тех же ужасающих условиях. В конечном итоге, моя позиция заключается в том, что любое нападение, которое не различает комбатантов и мирное население, должно быть осуждено. Но при этом я, конечно, полагаю, что колонизированные имеют право на сопротивление колонизаторам, в том числе с использованием средств насилия.

ТБС и ХХ: Недавно университет Осло отказался присоединиться к академическому бойкоту Израиля, но в то же время осудил все нарушения международного права и выдвинул требования немедленного прекращения огня и прекращения нападения на гражданское население в секторе Газы и в Израиле. Что Вы думаете о таких заявлениях?

СХ: Я бы призвал ученых и академические институты поднять уровень своей социальной и моральной ответственности. Я уверен, что бойкот против любой институции, связанной с колониальной или авторитарной властью, является моральным обязательством, но я не призываю к бойкоту на индивидуальном уровне. Я бы призывал к бойкоту не только израильских, но и сирийских университетов. Идея институционального бойкота часто используется в либерально-демократических странах. Однако, когда речь заходит об Израиле, эти страны не готовы прибегнуть к бойкоту во имя академической свободы. Европейские институты всегда так поступали; вспомните бойкот против российских учреждений после нападения на Украину, а ранее в отношении режима апартеида в Южной Африке. Я помню, историю с палестинским коллегой из Центрального статистического бюро Палестины, который намеревался участвовать, а на научном семинаре Европейского Университета во Флоренции в 2008 году. За 2 дня до семинара внезапно его приглашение было отозвано, поскольку в это время ХАМАС победил на выборах, а семинар финансировался ЕС. Американский Университет Бейрута (АУБ), где я работаю, не может приглашать внешних спикеров или даже зарегистрированных участников на ЗУМ-сессию без со-

гласования с базой данных Госдепартамента. Согласие этой институции необходимо для получения финансирования USAID. Согласно этой базе данных, мы не имеем права приглашать ученых, аффилированных с иранскими государственными университетами.

Я полагаю, что сегодня, в соответствии с заявлениями Международного Уголовного суда, и ООН о признании войны в Газе геноцидальной, бойкот израильских учреждений является моральным императивом. Уже в 2021 и 2022 годах, международные комиссии по правам человека (Amnesty International, Human Rights Watch), а также израильские правозащитные группы B'Tselem и Yesh Din рассматривают Израиль как государство апартеида.

Я только что прочел потрясающую книгу израильской исследовательницы Майи Уинд [Towers of Ivory and Steel: How Israeli Universities Deny Palestinian Freedom](#) [Башни из слоновой кости и стали: как израильские университеты отрицают свободу Палестины]. Эта книга ясно показывает, что структурный расизм не только прописан в законодательстве израильского государства как расовое неравенство, но и то, как израильские университеты неразрывно связаны с израильской системой доминирования. Тель-авивский Университет находится в договорных отношениях с израильскими военными: подготовка солдат, разрешение на преподавание офицерам ИВС, технологическое обеспечение, этическое обоснование внеправового убийства и проч. Уинд в качестве примера приводит престижную бакалаврскую программу 'Egez', направленную на подготовку офицеров для участия в боевых действиях. Двойная степень включает академическую программу, фокусируемую на сферах, имеющих «военный интерес» в сочетании с другой программой, дающей подготовку в гуманитарных и социальных науках, бизнесе и инженерных специальностях. Военные объясняют, что на программе Egez «обеспечивается взаимосвязь военной и научной подготовки», а ее студенты трансформируются, превращаясь «из гражданских лиц в элитных бойцов». Остальные восемь израильских университетов занимаются тем же делом (два из них расположены на оккупированных территориях Западного Берега), предлагая экспертизу, инфраструктуру и технологии, разработанные на базе израильских университетов, для поддержки израильского территориального, демографического и военного проектов. Израильтяне, занимающиеся гуманитарными и социальными науками, участвуют в проектах колониальной археологии (воруют артефакты с палестинских территорий), занимаются исследованиями права, ближневосточными исследованиями и подготовкой системы госбезопасности.

В то же время мы должны признать, что израильская академия взрастила несколько замечательных мужественных ученых, которые говорят правду властям. Я имею в виду Лео Гринберга, Орена Йифнахея, Эву Илмуз и некоторых других. Интересно отметить, что израильские авторы коллективной монографии, где я был со-редактором, мои друзья, философы Ади Офир и Михал Дживони ([The Power of Inclusive Exclusion: Anatomy of Israeli Rule in the Occupied Palestinian Territories](#)) [Сила включающего исключения: анатомия израильского правления на

оккупированных палестинских территориях], получили позиции за пределами Израиля. Я знаю, что они подвергались преследованиям, и это заставило их покинуть израильскую академию. Жертвой такой политики стала проф. Еврейского Университета Надера Шалхауб-Кеворкян, чей контракт был заморожен, сама она была арестована и допрошена израильской полицией; и это одна из множества историй, которые характеризуют академический мир Израиля и которые происходили задолго до 7 октября.

ТБС и ХХ: Мы обсудили бойкот, а что Вы думаете о двух других предлагаемых мерах комплекса BDS (Boycott, Divestment and Sanctions – бойкот, отзыв инвестиций и санкции)?

СХ: Я поражаюсь тому, что большей частью целевые капиталы университетов управляются фондами миллионов. Эти миллионеры заинтересованы в максимизации прибылей и часто занимаются поиском выгодных инвестиций в отраслях вооружения и табачной промышленности в США и других странах. Мы наблюдаем удивительный контраст: мы обучаем наших студентов так называемым свободным искусствам и одновременно финансируем авторитарно-колониальный комплекс, в центре которого находится производство вооружения и табака. Мы должны руководствоваться этой же логикой и ратовать за отзыв инвестиций из промышленности Израиля, поскольку мы знаем благодаря многим исследованиям, что инвестиции поддерживают израильские поселенческие колониальные и апартеидные проекты.

ТБС и ХХ: Некоторые считают, что BDS – это форма антисемитизма...

СХ: Палестино-израильский конфликт является колониальным по своей сути, даже если кто-то видит его как конкуренцию национализмов, развернувшуюся в трагическом контексте после Второй Мировой войны. Но и в этой версии очевидно, что одна национальная группа лишает собственности другую национальную группу. По меркам международного права, палестинские территории на Западном Берегу (включая Восточный Иерусалим) и Газа – являются оккупированными землями. Перед нами оккупант, который использует колониальные и апартеидные практики, налицо также сопротивление им. Говорить о ненависти к евреям или антисемитизме в этом случае – полный нонсенс. Сегодня материальность и графические образы геноцида в действии вызывают гнев всех, кто не утратил веру в человечество. Сегодня антисемитизм – как предмет обсуждения прекращает все дебаты и дискуссии. Я никогда не слышал обвинений в антиюжноафриканских взглядах или в ненависти к африканерам в адрес тех, кто призывал к академическим и экономическим бойкотам ЮАР во время режима апартеида. Я знаю, что большая часть европейской академии бойкотирует российские учреждения. Но я никогда не слышал, чтобы эти бойкоты назывались или были антирусскими. Хотя нельзя не признать, что антисемитизм проявляется достаточно ярко в некоторых регионах, но

его не следует смешивать с антисемитизмом или критикой колониальных практик Израильского государства.

ТБС и ХХ: Кое-кто также утверждает, что лозунг «Свободу Палестине от реки до моря!» является по сути своей антисемитским.

СХ: Это очевидно плохая интерпретация того, как использует этот лозунг большинство активистов. Во время демонстраций в Европе и Америке я видел множество плакатов с этим лозунгом и читал интервью с демонстрантами, которые четко объясняли, что они призывают к демократическому светскому государству для всех его жителей. Таким образом, неважно, будет это государство называться Палестино-Израильским или как-то иначе. Даже Мусса Абу Марзук, третий человек в руководстве ХАМАС, в последнем [интервью](#) четко указал, что решение в пользу единого государства предполагает следование принципу «один человек – один голос» независимо от религиозной принадлежности человека. Выбор этого лозунга стал ответом на повседневные практики израильских поселенцев – колонизаторов в ходе политики, проводимой под девизом «От реки до моря». Давайте не забывать, что собственная партия Нетаньяху, Ликуд, также выступает под этим девизом. Хуже того, речь идет не о реке Иордан, а о Евфрате.

Память о Холокосте по-прежнему жива в Европе, и я хорошо понимаю, что атака 7 октября, при которой в равной мере пострадало гражданское население и боевые части, могла пробудить соответствующие воспоминания и искренние аналогии. Но представители старшего поколения должны также понять, почему молодежь, используя этот радикальный лозунг, осмысливает свой опыт, видя как израильская армия убивает и обрекает на голод детей и женщин, разрушает школы и университеты Газы, совершает то, чему некоторые ученые дали имя – [‘scholasticide](#)» (убийство науки – ЕЗ). Однако я должен признать, что часто молодые люди получают совершенно различную информацию – сравним, например, программы DW News, France 24 или Al Jazeera. Вот почему мы должны создавать пространство диалога на кампусе, где разные группы могли бы развернуть свои аргументы.

ТБС и ХХ: Как бы вы реагировали на утверждение, что институциональный бойкот – это то же самое, что отмена культуры?

СХ: Бойкот против конкретных личностей часто является полем реализации культуры отмены (e.g., отзыв приглашения спикера, вычеркивание статуса, выступающего). С другой стороны, институциональный бойкот нацелен на комплаенс институций с активной репрессивной властью. Израильская оккупация палестинских территорий, с точки зрения международного сообщества, является нарушением международного права, как и режим апартеида в Южной Африке. Институциональный бойкот нужно понимать как последнюю инстанцию мирного сопротивления. Таким образом, это не отмена израильской культуры, а подрыв военного комплекса университета.

Призыв к такому бойкоту не препятствует тому, что я редактирую книгу совместно с двумя израильскими философами. Тем самым, я приглашаю палестинских и израильских ученых к чтению работ друг друга, не позволяя замалчивать голоса друг друга.

ТБС и ХХ: Могут ли университеты сохранять нейтральность в таких ситуациях?

СХ: Молчание означает согласие. Десятилетиями университеты оставались местами протеста, открытых дискуссий и несогласия с политикой гегемонных властей. Так было и во время Вьетнамской войны, и в отношении апартеида ЮАР. Университеты были пространствами свободы слова, которая работает только в условиях активного слова протеста. Таким образом я выступаю против любой попытки отменить культуру других, независимо от того, чем они отличаются - политическими, социальными, расовыми или гендерными критериями.

ТБС и ХХ: Вы ввели в научный оборот понятие 'spacio-side' (убийство пространства). Что оно означает? И что вы думаете об осознании или нехватке осознания и внимания к ситуации в Палестине до атаки 7 октября?

СХ: Пять лет (с 1999 по 2004 гг.) я жил на территории оккупированной Палестины в период наивысшего подъема Второй Интифады (*Second Intifada*). Потом на какое-то время я забыл это понятие 'spacio-side,' поскольку занимался проблематикой палестинских беженцев и политической социологией конфликта. Колониальный проект израильских поселенцев долгое время носил именно пространственно убийственный характер (а не геноцидный) – его целью было использование земли для изгнания палестинцев. Эта политика была нацелена на пространство проживания палестинского населения, эта политика приводит с неизбежностью к насильственному трансферу палестинского населения.

Убийство пространства — *spacio-side* — это осознанная идеология, которая предоставляет аргументы, объясняющие, почему евреям нужно больше земли, а палестинцам меньше. Это динамичный процесс, который взаимодействует с изменяющимся контекстом, определяющим действия палестинского сопротивления. Это кульминация нескольких «цидов», которая превращает палестинскую землю в землю, непригодную для жизни палестинцев, используя ограничения их мобильности, убийство палестинского руководства, хищения воды наземных источников, столь необходимых для палестинского сельского

хозяйства, подрыв экономического потенциала Палестины (эконо-цид). Описывая и подвергая критике разные аспекты израильского военно-правового и гражданского аппаратов, я показываю, что проект разрушения пространства осуществляется с помощью режима, опирающегося на три принципа: колонизации (конфискация все больших участков земли); сепарации (израильской и палестинской земель) и состояния исключения, которое посредничает между этими двумя, казалось бы, противоположными принципами. В настоящее время израильский колониальный проект все в большей степени напоминает геноцид.

ТБС и ХХ: И последний вопрос, обращенный в будущее. Что Вы думаете о будущем Палестины и Израиля (это сложный вопрос, мы понимаем). Есть ли у Вас надежды? Каким Вам представляется «сценарий мечты»?

СХ: Как социолог, который видел кровавый палестинско-израильский конфликт своими глазами, я затрудняюсь представить картину правильного решения в виде единого государства. Решение в виде учреждения двух государств должно стать первой ступенью установления многонационального либерально-демократического государства в пространстве Палестины-Израиля. Этот проект предполагает организацию двух палат, одна из которых построена по принципу «один человек – один голос» и занимается вопросами, имеющими отношение ко всем гражданам; вторая палата при таком устройстве государства представляет интересы двух национальных групп (евреев и арабов), которые обсуждают повседневные вопросы своей автономии. Моя израильская коллега, Джули Купер, очень интересно развивает этот замысел. Он отражен в Декларации Хайфы 2007 года, подписанной многими палестинскими учеными и активистами, авторами которой являются Налим Рулана, Надера Шалхуб-Кеворкян, и др., и. Но в настоящее время более насущным является прекращение израильского геноцида в Газе. Мы должны позволить новым поколениям, нашим студентам во всем мире выразить свой гнев, вызванный содействием основных политических партий и университетских администраций этой войне. По словам Раны Сукарих, их борьба отражает антиколониальные интернационалистические чаяния всего Третьего Мира. Да здравствует эта мобилизация! ■

Адрес для связи: <sh41@aub.edu.lb>

Twitter: [@hanafi1962](https://twitter.com/hanafi1962)

Перевод Елены Здравомысловой

> Иерархии и расиализация в условиях сотрудничества по линии Юг-Юг

Каролина Вестена, Университет Касселя (Германия), Эрик Цезне, Утрехтский Университет (Нидерланды) и Мари Стиллер*

Делегации провели Пленарное заседание Экономической секции во время Азиатско-Африканской конференции в здании Мердека в Бандунге 20 апреля 1955 г. Фото: публичный домен.

Сотрудничество по линии Юг-Юг (СЮЮ) является ключевым двигателем международного порядка. В качестве исторических примеров приведем конференцию в Бандунге, Движение Неприсоединения и panaфриканизм, возникшие на фоне деколониальных движений в Африке в 1950-60е годы. Более свежие примеры периода второго тысячелетия касаются поиска стратегических коммерческих партнерств и политических союзов между такими развивающимися державами, как Бразилия, Индия, Китай и Южная Африка, и соответствующие альянсы (например, БРИКС), которые возникают на подъеме товарного бума в контексте разочарования в глобализации, руководимой Севером. Хотя нарративы о СЮЮ не являются новым феноменом, их значимость и контргегемонный потенциал [существенно выросли](#) в последние годы.

Однако СЮЮ не ограничивается попытками усилить экономическую и политическую мощь стран-участниц. [В более широком смысле](#), кооперация ассоциируется с передачей и обменом ресурсами, экспертизой и технологиями. Она включает разнообразные формы межличностных контактов, опосредованных институциональным сотрудничеством в сферах бизнеса, образования и трудовой миграции между странами и частными лицами в пространстве, которое конвенционально обозначается как Глобальный Юг. Для легитимации стратегий и практик СЮЮ, которые презентуются как более горизонтальные и соответствующие интересам стран Юга и контексту развития, часто используются такие термины, как «солидарность», «дружба» и «взаимопомощь».

>>

Такой позитивный взгляд на сотрудничество по линии Юг-Юг подчеркивает агентность, независимость и ресурсоемкость стран Глобального Юга. Этот подход также подчеркивает многоплановость самого понятия Глобального Юга, что демонстрирует [исторический анализ](#) понятия, представленный в статье Стиллер в этом номере ГД. [Транснациональные сети](#) общественных движений также поддерживают позитивный образ солидарности, продвигая альтернативную глобализацию или новые способы решения климатического кризиса. Позитивные образы СЮЮ продвигаются и сверху, и снизу.

Но если СЮЮ как политический проект, типичная практика международного порядка и понятийная эвристика, схватывающая агентность акторов Юга, является столь позитивным феноменом, то как интерпретировать постоянное неравенства и иерархических отношений в рамках этой кооперации?

[Критическая литература](#), посвященная сотрудничеству на Глобальном Юге, уже показала, что нейтрального сотрудничества не бывает, поскольку международный обмен и кооперация также отображают (внутринациональные) социетальные отношения господства. В этой литературе представлен критический анализ глобальных иерархий, построенных на логике капитализма. Так, например, Дюбуа, опубликовал ряд статей, посвященных международному порядку, сложившемуся после Первой Мировой Войны, где показал, что структурирующая сила капиталистической экономики проявляет себя в поддержке расовых иерархий и разделении труда между странами Глобального Севера и Глобального Юга. Это толкование, которое выявляет сочетание капиталистических структур и расовых иерархий, является основополагающим для анализа сложного характера господства на уровне международного порядка.

Тем не менее, большинство исследований южного сотрудничества до сих пор фокусирует внимание на экономических и политических иерархиях и оставляет без внимания компоненты расового неравенства, т.е. вопросы о том, как эти отношения приобретают и поддерживают расовый характер. Такое невнимание может привести к одномерному толкованию проблем глобального сотрудничества и его внутренних конфликтов. Более того, без учета расового измерения невозможно понять, почему проекты СЮЮ стремятся дискурсивно легитимировать себя распространением нарративов о дружбе и сотрудничестве стран Юга.

Мы утверждаем, что анализ проблем сотрудничества на Глобальном Юге должен опираться на выявление более широких форм господства. Мы считаем, что многомерный анализ СЮЮ предполагает изучение конфликтов различного уровня – между государствами, на уровне международных институций и акторов на местах. В то время, как нарративы о дружбе и взаимопомощи служат

камуфляжем асимметричных отношений власти и иерархий, мы [развиваем новый подход](#) к изучению СЮЮ, учитывающий всю сложность этого феномена.

Статьи этой рубрики показывают, что за фасадом декларируемых идей симметричного сотрудничества и взаимопомощи реальный опыт СЮЮ характеризуется межличностными и институциональными формами расиализации, которые производят иерархии и динамику дифференциации. Процессы расиализации также создают рамки восприятия «Другого» (как населения, которое считается этнически отличным, обычно/или чаще всего черным) на уровне институтов и акторов международного уровня.

Поскольку известная литература, в основном, подчеркивает экономические и политические иерархии, мы фокусируем внимание на практиках расиализации, признавая при этом, что глобальные неравенства включают такие различные измерения, как классовое, гендерное и определяемое гражданским статусом. Обсуждая сотрудничество между обществами Юга, мы считаем категорию социетальной расиализации эвристическим инструментом в самых разных смыслах. Во-первых, мы анализируем как расиализация становится одной из форм создания иерархических отношений и конструирует разделение участников сотрудничества (“cooperators-divided”). Мы также рассматриваем роль расиализации на различных уровнях и в различных конstellациях акторов: на уровне государств, международных организаций и транснациональных движений. И, наконец, обращаясь к исследованию пространственно определенных проектов развития, инвестиций, просвещения или изучая восприятие акторами международных институций, мы вырабатываем понимание того, как работает расиализация на повседневном и локальном уровне.

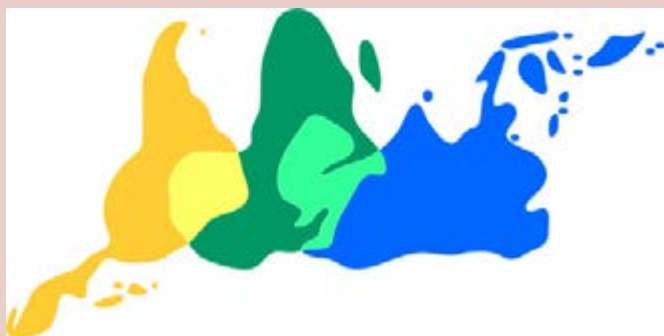
Эти три измерения дебата о расиализации в контексте южного сотрудничества могут, с одной стороны, сформировать более нюансированный взгляд на динамику власти на уровне глобальной кооперации даже в тех случаях, если мы намереемся внести изменения в дисбаланс власти между Глобальным Севером и Глобальным Югом. С другой стороны, такая дискуссия может стать полезной для осмысления структурной роли расовых иерархий в обществе и их соотношения с другими формами господства - гендерного, классового или этнического - и выяснения того, как они воспроизводятся на разных уровнях глобального порядка. ■

* Автор использует псевдоним.

Адреса для связи:
<carolina.vestena@uni-kassel.de>, Twitter: [@carolinavestena](https://twitter.com/carolinavestena);
<e.m.cezne@uu.nl>, Twitter: [@eric_cezne](https://twitter.com/eric_cezne)
Перевод Елены Здравомысловой

> Понятие «Глобальный Юг» и его нереализованные антирасистские идеалы

Мари Стиллер*

Глобальный Юг и Глобальный Север. Фото: Global Majority Wikimedia Technology Priorities.

В своей [инаугурационной речи](#) на Конференции в Бандунге 18 апреля 1955 года президент Индонезии Сукарно поднял вопрос о связи расизма с проблемами стран Глобального Юга:

“Мы принадлежим к разным нациям, у нас разный социальный бекграунд и культурные модели поведения. [...] Мы принадлежим к различным расовым группам и даже по цвету кожи мы различаемся. Но что это значит? Человечество объединяется или разделяется по другим основаниям. Конфликт порождается не различием цвета кожи, религиозных верований, но различиями желаний. Я уверен, что нас объединяют более значимые вещи, чем те, что поверхностно разделяют нас. Например, нас объединяет наше общее неприятие колониализма в любой форме его проявления. И нас объединяет общая решимость сохранить и стабилизировать мир по всем мире.”

В этой речи Глобальный Юг представал как антиколониальный, антирасистский и миротворческий проект. Однако этот же форум показал, что сотрудничество по линии Юг-Юг — это процесс, для которого характерны различные формы расиализации. Если проект Глобального Юга и пронизан изначально антирасистским духом, его чаяния до сих пор остались нереализованными.

> Расиализация и Глобальный Юг

Расиализация – это практика, в ходе которой группе людей приписываются особые расовые свойства или стереотипы. Расиализация поддерживается иерархическими социальными структурами, основанными на категории «расы». Понятие расиализации помогает изучать

практики, которые являются результатом расового неравенства или расизма. Более того, использование этого термина может быть способом избегания предположительно биологической категории «раса», в основании которой нет никакого научного объяснения (см. Введение в эту рубрику).

Хотя антирасистские идеалы никогда не были реализованы, социальное воображаемое Глобального Юга постоянно подкрепляет чувство солидарности между прежде колонизованными странами, институциями и народами. Особенно правительства часто используют язык солидарности Глобального Юга как стратегическое риторическое устройство, призванное [легитимировать международное сотрудничество](#) или «инициативы развития».

Глобальный Юг не является гомогенным единством; это конструкт, который частично легитимирован антирасистскими идеалами, которые остаются не воплощенными. Цель этой короткой статьи – проблематизация понятия Глобального Юга в соответствии с этими идеями.

> Троица понятий

В целом можно утверждать, что понятие «Глобальный Юг» является [крайне неопределённым и недостаточно осмысленным](#). Как социальное воображаемое оно может, скорее, поддерживать, нежели отвергать обширный диапазон измерений несправедливости, включая и расовую несправедливость.

Шнайдер ([Schneider, 2017](#)) различает три основных трактовки понятия «Глобальный Юг»: географический ГЮ, субалтерный ГЮ и ГЮ как гибкая метафора. Геогра-

>>

фическое понятие наиболее употребительное; в соответствии с ним ГЮ включает те регионы, где расположены бывшие колонии, которые считаются структурно неразвитыми и бедными (прежнее название - страны Третьего Мира). К ним относятся Латинская Америка, Африка и Азия. Географическое толкование доминирует в современных дискурсах. Оно используется могущественными наднациональными институтами (напр., ООН) и основано на критериях национального государства и межгосударственных отношений.

Вторая модель ГЮ, первоначально обозначенная Альфредом Лопесом ([Alfred López 2007](#)), выделяет «субалтерное население» мира: к ним относятся люди, пострадавшие от неолиберальной политики, положение которых характеризуется нехваткой социальной, политической и интеллектуальной власти (*disempowered*). Они обозначаются как «глобальные», поскольку они не живут в каком-то конкретном регионе, а рассеяны по всему миру. Хотя Лопес утверждает, что «южане» - это не географическая локация (южане могут проживать где угодно), в конечном итоге, он сводит «Юг» к «классовой позиции».

И, наконец, третье прочтение ГЮ как *гибкой метафоры* не позволяет сводить это понятие к географическому положению (Латинская Америка, Африка, Азия) или к социально фиксированной категории (классу). Скорее, это *относительная* категория. В своем третьем значении понятие ГЮ проводит метафорическую границу между могущественным Севером и обездоленным Югом. Такая граница, например, может конструироваться между Севером и Югом Италии или между зажиточными гражданами Германии и недовольным населением этой страны. Граница носит абстрактный характер, потому что она является «гибкой». Она может обозначать и географическое, и социальное различие, и любой тип неравенства.

При ближайшем рассмотрении все три концептуализации ГЮ имеют свои преимущества и недостатки. Кроме того, они соотносятся с конкретным историческим моментом или контекстом. Это становится очевидным, когда мы задаемся вопросом о том, когда впервые был употреблен термин ГЮ и при каких обстоятельствах он стал использоваться вместо понятия Третьего Мира.

Исторически возникновение термина относится к периоду деколонизации и подъему национальной идентичности населения бывших колоний. Термин ГЮ вошел в общее употребление именно в 1960е-1970е годы после конференции в Бандунге (1955), формирования Движения Неприсоединения (ДН) в 1962 и Группы-77 в 1964 г. Смена терминологии происходила постепенно, происходило замещение терминов «Запад» и «Восток», а также «Третий Мир», т.к. этот последний термин приобрел пейоративный характер. Термин «Глобальный Юг» ассоциировался с представлением о более справедливом экономическом порядке и с борьбой за равенство между странами и регионами. Он подразумевал также призыв к новой ответственности со стороны Глобального Севера.

> Гетерогенность, внутренние разделения и опасности упрощения

Большинство ученых согласны с тем, что ГЮ в самом старом и самом распространенном своем прочтении – географически – это слишком упрощенная категория для описания «реального» мира. Так, например, существует огромное и растущее разнообразие стран Латинской Америки, Азии и Африки. Китай, Бразилию, Индию и ЮАР (южные страны БРИКС) вряд ли стоит относить к той же категории, что Сомали, которая является одной из беднейших стран мира. Китай и Бразилия стали глобальными игроками [во многих африканских регионах](#), что подозрительно умалчивается отнесением их к категории Юга. Более того, географическое прочтение упускает поразительные различия между государствами Юга: между богатыми и бедными, прежде всего. Вижей Прашад в своей книге [Possible History of the Global South](#) [Возможная история Глобального Юга](2012) показывает, что Юг никогда не был чем-то однородным и разделен по нескольким идеологическим направлениям (e.g. в отношении неолиберализма).

И все же наиболее значительным недостатком является то, что географическое прочтение оставляет без внимания разительные разделения по критериям класса, расы, гендера и вероисповедания в самих, так называемых, южных странах. Напротив, понятие ГЮ как субалтерна, предложенное Лопесом, схватывает классовые разделения, признавая, что бедность часто имеет расовое лицо и в сущности опирается на категорию «класса».

Мы видим, что до настоящего времени все толкования ГЮ недостаточно точно описывали реальный мир и, в особенности, неравенства, обусловленные процессом расиализации. Как показывает этот пример, нам нужно понятие, которое выходит за пределы бинарной дихотомии Черного и Белого, на которых построена евро-американская система координат.

И хотя антирасистские идеалы, о которых говорил Сукарно, не были воплощены в жизнь, воображаемое Глобального Юга продолжает питать чувство солидарности народов, населяющих бывшие колонии и вдохновлять ученых Севера. Многие ученые и вовлеченные интеллектуалы используют эту терминологию за неимением лучшей. Кроме того, она часто используется для выражения стремления к более справедливому и более прогрессивному в социальном смысле миру: она призывает к построению антирасистского, антиколониального и ориентированного на мирное будущее миру. (Schneider 2017).

Итак, ГЮ – это не однородная сущность, а конструкт, который частично легитимирован провозглашенными, но не реализованными антирасистскими идеалами. Поэтому некритическое использование понятия может обернуться слепотой в отношении новых форм расиализации, расизма и колониализма. ■

* Автор использует псевдоним.
Перевод Елены Здравомысловой

> Расовый вопрос во взаимодействиях между Африкой и Китаем

Эрик Цезне, Университет Утрехта и Роос Виссер, Университет Амстердама (Нидерланды)

Строительство шоссе ILA Tours Китайской дорожно-мостовой корпорацией (CRBC) в Тиесе, Сенегал. Фото: Yifan Yang.

В 2020 году в контексте мощного взаимовлияния глобальной пандемии и антирасистских протестов мирового масштаба [события](#) в китайском городе Гуаньджоу стали триггером обсуждения расизма в африканско-китайских отношениях. Меры предотвращения и сдерживания Covid-19 гораздо в большей мере оказали влияние на африканцев и людей африканского происхождения. Многие из них стали жертвами изгнания, бездомности и дискриминации в общественных местах, что вызвало вспышку протеста в африканских диаспорах и у правительств африканских стран.

Африканско-китайские отношения [традиционно](#) описываются как дружеские, основанные на солидарности и эмпатии по линии Юг-Юг. Такой контекст, особенно с начала 2000х годов, привел к росту множества возможностей, но одновременно породил проблемы. Потоки путешественников, миграции и бизнеса в обоих направлениях способствовали динамичной торговле, инвестициям и культурным обменам. И все же рост контактов привел к появлению случаев расовой дискриминации, подозрений и сегрегации, свидетельством чего являются недавние инциденты в Гуаньджоу.

Расизм и расовые предрассудки в афро-китайских отношениях коренятся во внутренней исторической и глобальной динамике. Важно отметить, что эти проблем не

ограничиваются китайским контекстом и отношением к африканцам; расизм проявляется в самых разнообразных формах. Расиализация – распространение расовых значений и классификаций на социальные отношения – развивается в обоих направлениях, оказывая влияние на африканцев в Китае и на китайцев в Африке.

> Африканцы в Китае

По Китаю прокатилась волна анти-африканских (анти-черных, преимущественно) акций. Случай Гуаньджоу не является единственным. Особенно показательным является [«расизм на кампусе»](#) в 1980х гг., когда африканские студенты столкнулись с расовыми предрассудками своих китайских товарищей. Африканцы описывались как загрязняющие китайское общество своими отношениями с китайскими женщинами, как отстающие и ленивые люди, недостойные китайской помощи.

Такое расовое мышление было довольно устойчивым и в настоящее время [нашло выражение](#) на платформе таких каналов китайских социальных медиа, как WeChat и Weibo, где довольно часто можно встретить расистские высказывания в отношении африканцев. Китайские пользователи часто конструируют сниженный образ Африки и африканцев, что контрастирует с недавними успехами развития Китая. Расиализация африканцев как ленивых, недостойных

>>

и сексуально агрессивных субъектов позволяет китайцам представлять себя как трудолюбивых, достойных и уважаемых людей. Такое описание отражает [исторически сложившиеся конструкты](#) черных и расовых идентичностей в Китае, особенно представления о господствующей группе Хань и ее превосходстве над иностранцами и другими китайскими меньшинствами.

Сегодня примерно 500 000 африканских мигрантов в Китае при взаимодействии с местным населением испытывают на себе разные проявления расизма. Хотя некоторые чувствуют гостеприимство и приписывает дискриминирующее поведение невежеству, другие сталкиваются с крайним предубеждением. Часто расовая дискриминация в Китае рассматривается как преимущественно институциональная. В отличие от кампусного расизма 1980х гг. чаще всего столкновения случаются между (незаконными) африканскими резидентами и враждебными властями, которые, как считается, [несправедливо применяют закон о миграции и соответствующие меры в отношении африканцев](#). Многие обвиняют [африканские правительства](#) в неспособности решить проблемы своих граждан в Китае из-за страха поставить под угрозу двусторонние экономические и политические сделки. К этим фрустрациям добавляется относительная легкость получения виз и разрешений на проживание для китайцев в Африке по сравнению с проблемами африканских граждан в Китае.

Китайское правительство постоянно недооценивает уровень расовой напряженности, игнорируя случаи проявления анти-африканских настроений или представляя их как единичные; они утверждают, что расизм – это проблема Запада. Тем не менее, после широко известных событий в Гуаньджоу и возмущения со стороны африканских диаспор и правительств китайские власти были вынуждены с осторожностью признать существование расовых предрассудков в китайском обществе. В конкретных ситуациях были приняты отдельные меры против дискриминирующих практик, так, например, [был улучшен доступ иностранцев к приложениям системы здравоохранения](#), чтобы обеспечить возможности посещения ими публичных мест во время ограничений, обусловленных Covid-19.

Такие отдельные меры позиционируют расизм и дискриминацию как локальные проблемы, а не системные характеристики, проявляющиеся на самых различных уровнях. Эти проблемы глубоко укоренены в ограничениях защиты прав человека и преследовании активизма, в том числе и направленного против расизма. Несмотря на то, что китайское правительство строго контролирует политическое и медийное пространство, оно не предпринимает достаточных усилий для предотвращения расистских дискурсов и действий в китайском (цифровом) обществе.

> Китайцы в Африке

Изучение китайского присутствия в Африке показывает, что расовая дискриминация и напряженность, в основном, обсуждаются в контексте трудовых отношений, особенно на уровне китайских проектов строительства. Китайские наемные работники, управляющие и рабочие [критикуются](#) за проявления расизма при обсуждении рабочих навыков и трудовых практик своих африканских коллег, которые пред-

ставляются как ленивые, ненадежные и не вызывающие доверия. Китайцев также [обвиняют в самосегрегации](#), тенденции изолировать себя от африканцев по месту жительства, языку, практикам социализации и неприязненному отношению к разнообразию. Наряду с этим звучит [критика обобщенных толкований китайского расизма](#) в Африке. Критики отсылают к устойчивым паттернам трудового неравенства и самосегрегации как характеристикам западного присутствия на континенте и указывают на успешные случаи владения языком и социальной интеграции китайцев.

Одновременно африканские стейкхолдеры также демонстрируют паттерны враждебного отношения и антикитайских настроений. [Ряд аналитиков утверждает](#), что необходимо принимать во внимание расиализацию китайцев африканцами, в чем проявляется агентность африканцев. Антикитайские настроения характерны для тех экономических групп африканцев, которые находятся в прямой конкуренции с китайскими предпринимателями и работниками, например, с теми, кто лишился работы или работает в прекарных условиях. Негативные изображения Китая как «[желтой угрозы](#)», чья деятельность в Африке является хищнической и неокOLONIALной, типичны для западной политической и медийных презентаций, также усиливает эти настроения. Таким образом африкано-китайские отношения расиализируются не только участниками, но и внешними акторами, которые разыгрывают карты белой расы, черной расы и китайскости.

Африканские лидеры время от времени капитализируют на негативных настроениях в отношении китайцев, добиваясь своих политических целей, а иногда [обращаются к стратегиям расового национализма](#). Правящие элиты могут использовать критику Китая как удобный инструмент отвлечения внимания и способ консолидации политической власти в периоды политической нестабильности. В свою очередь, оппозиционные силы используют антикитайскую риторику, чтобы бросить вызов партиям-инкубентам. Выразительным примером этого является президентская кампания замбийского политика Михаэля Саты в 2011 году, которая была выстроена на антикитайской платформе. Став президентом, однако, он изменил свою риторику и активно укреплял экономические связи с Китаем.

Тем не менее, необходимо контекстуализировать эту динамику и различать локальный, национальный и наднациональный уровни явления. Во многих африканских государствах, местное население, [в целом, приветствует](#) присутствие китайцев, их инвестиции в экономику, торговлю и успехи развития. И все же, хотя африканцы высоко ценят свои отношения с Китаем, они не готовы это делать любой ценой как [заявил](#) заместитель председателя Африканского Союза Квеси Кварти в ответ на антиафриканские выступления в Гуаньджоу в период пандемии. Это подчеркивает политическую значимость проблем расового характера и необходимость их внимательного рассмотрения обеими сторонами. Такой подход жизненно важен для поддержания и укрепления отношений, которые часто называются Китайско-африканской дружбой, которая развивается в контексте все более проблематичной глобальной конъюнктуры. ■

Адреса для связи: <e.m.cezne@uu.nl>, <rv_visser@outlook.com>
Перевод Елены Здравомысловой

> Начало сотрудничества между странами Юга:

Ангола и Куба (1975-1991)

Кристин Хацки, Университет Лейбница, Ганновер, Германия

Ангольский командир и кубинский генерал-майор Восточного фронта, Данжеро Кименга и Карлос Фернандес Гондин, в 1975 г. Фото: Alfonso Naranjo Rosabal / Wikimedia Commons.

Каковы характерные черты южного сотрудничества? В определенных случаях оно предполагает сотрудничество между правительствами, институтами, вооруженными силами и населением страны, которые в прошлом были колониями. Я проиллюстрирую такое сотрудничество на примере Анголы и Кубы, обозначу его особенности и исторический контекст. Этот проект разворачивался в период деколонизации, на фоне разделения мира на капиталистическую и социалистическую системы. Этот период также характеризуется оптимистической верой в то, что бывшие колонии своей сплоченностью смогут преодолеть капитализм и империализм, следуя собственному пути развития, не укладываясь в дихотомию двух систем.

В случае Кубы и Анголы речь идет о сотрудничестве между двумя левыми проектами: Народным Движением Освобождения Анголы (НДОА) и правительством Кубы. Первое движение в то время еще не определилось со своим направлением, а второе было привержено социализму, но, при этом, старалось преодолеть политические ограничения советской системы. Сотрудничество между двумя странами было основано на принципах интернациональной солидарности и стремилось создать антиколониальный антиимпериалистический трансатлантический альянс, противостоящий гегемонии США. Поскольку Ангола богата сырьевыми ресурсами (нефть, золото,

брильянты), такое сотрудничество создавало для Кубы перспективы большей экономической (а значит, и политической) независимости от Советского Союза и возможности противостоять экономической блокаде США, дляншейся с 1960 г.

Несмотря на то, что это было сотрудничество равных, оно не было полностью свободно от иерархий, и каждая из сторон преследовала свой политический и экономический интерес. Эти иерархии несомненно включали расовые аспекты с обеих сторон, но они не обсуждались в официальном дискурсе. В историческом контексте деколонизации в рамках дискурса международной солидарности не было места для расизма. Существующие иерархии и расиализация были камуфлированы риторикой антиколониальной и антирасистской солидарности, которая подчеркивала сплоченность освободительных движений и независимых правительств Африки, Латинской Америки и Азии.

> Гражданское сотрудничество в сочетании с военной поддержкой

В конце войны против португальского колониализма в 1975 году и в течение последующей постколониальной войны против соперников НДОА - FNLA и Unita, которых поддерживал режим апартеида ЮАР, около 400 000 ку-

>>

бинских военных сражались на стороне НДОА вплоть до 1991 года. Именно это военное сотрудничество породило гражданскую кооперацию, потому что стало ясно, что независимая Ангола нуждается не только в военной поддержке, но в помощи в процессе реконструкции экономической, социальной и политической областях. В связи с этим президент независимой Анголы, Агостиньо Нето попросил у кубинского правительства дополнительную гражданскую помощь, особенно в области образования, здравоохранения и инфраструктуры. Кубинское правительство согласилось и послало в страну экспертов и квалифицированных работников всех уровней, и вплоть до 1991 года около 50 000 кубинских граждан работали в Анголе. Среди них были советники министерств, врачи, медицинские сестры, инженеры и учителя, которые поддерживали развитие основных структур во всех этих сферах, несмотря на продолжающуюся гражданскую войну.

Эта поддержка первоначально была ориентирована на организацию самопомощи, но в связи с нехваткой квалифицированных ангольцев, кубинцы были заняты во многих отраслях экономики страны. Программа помощи была заточена под конкретные нужды Анголы; меры разрабатывались совместными командами ангольцев и кубинцев. Разработанные конкретные программы определяли условия гражданского сотрудничества и оплату услуг. Правительство Анголы оплатило кубинскому правительству эту помощь, оба правительства обеспечивали проживание, транспортные расходы, питание и предоставляли небольшую стипендию участникам проектов сотрудничества. В конечном итоге это сотрудничество завершилось Нью-Йоркским договором 1988 между Южной Африкой, Кубой и Анголой (the New York Accords), который закреплял выход кубинских и южноафриканских военных и гражданских лиц из Анголы и провозглашал независимость Намибии (1990), что стало еще одной вехой в падении режима апартеида.

В целом это был крупнейший и наиболее комплексный эпизод сотрудничества между двумя бывшими колониями Юга. Вопрос социальных иерархий в этом сотрудничестве является сложными и зависит от того, рассматривается он с точки зрения Анголы или Кубы. Самовосприятие и взаимовосприятие сотрудничества на уровне повседневности, которые я изучала на основе интервью с кубинскими и ангольскими участниками проектов, позволяет выделить как объективно существующие, так и субъективно воспринимаемые иерархии.

> Страны, связанные опытом колониализма и рабства

Фон и мотивация сотрудничества могут быть поняты только на основе анализа исторического контекста. Трансатлантическая работорговля испанского и португальского колониализма с 16 века связывала эти страны. В результате к концу 19 века около 1 млн африканцев было депортировано на сахарные плантации Кубы. Многие кубинцы африканского происхождения участвовали в борьбе Кубы за независимость от испанской империи (1868-1898). Глава кубинского государства, Фидель Ка-

стро, в 1975 году вспомнил об этом, когда давал объяснение военному сотрудничеству Кубы с НДОА. Он утверждал, что кубинцы находятся в историческом долгу перед своими африканскими братьями и должны поддержать их борьбу за независимость против Португалии (1960-1975); он определил Кубу как «латиноамериканскую африканскую нацию».

Культурная и лингвистическая совместимость, сформировавшаяся в результате общего опыта иберийского колониализма, облегчили сотрудничество. В то время были более значимы общие основания, чем расовые иерархии между ангольцами и кубинцами. Однако иерархия существовала: она была обусловлена хронологическим преимуществом кубинского народа в преодолении колониальной и постколониальной форм господства, обозначенным революцией 1959 года, интернациональный характер которой был связан с деколонизацией, эгалитарным политическим экономическим и культурным авангардным проектом.

> Глобальная деколонизация и возникновение Триконта (Tricont)

Революция, которая освободила Кубу от имперской хватки США (сменившей испанский колониализм как гегемонная власть на обоих американских континентах в 1898 году) произошла в эпоху глобальной деколонизации. В 1955 году более 29 суверенных государств и 30 освободительных движений встретились в Бандунге (Индонезия), чтобы обсудить конец колониализма. В это время термин «Третий Мир» (позднее Триконт) символизировал третий путь развития, отличный от первого (капиталистического) и второго (социалистического) (за исключением Китая).

В конце 1950х годов после завершения колониализма в Африке кубинские революционеры установили отношения с африканскими государствами и освободительными движениями. В 1961 году на пике Холодной Войны, когда кубинский кризис привел мир на порог ядерной войны, в Белграде было основано Движение Неприсоединившихся, к которому из латиноамериканских стран присоединилась только Куба. В 1966 году в «Трехконтинентальной Конференции» в Гаване приняли участие представители 82 антиколониальных движений и правительств Азии, Африки и Латинской Америки. Целью высокого собрания была подготовка антиколониальной революции мирового масштаба под руководством Кубы под лозунгами международной солидарности. В начале 1970х годов Куба стала первой страной Третьего Мира, ставшей членом социалистического Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ), что обеспечивало острову экономическое и политическое выживание. Экономическая поддержка Восточного блока и Советского Союза сделала возможным экстенсивное сотрудничество между странами Юга, с Анголой и другими странами Триконта. ■

Адрес для связи: <christine.hatzky@hist.uni-hannover.de>
Перевод Елены Здравомысловой

> Возможно ли преодоление расовых иерархий в миротворческом процессе ООН?

Сара фон Биллербек, Университет Ридинга и Ксения Оксамытна, Сити, Университет Лондона (ВБ)

Credit: Sarah von Billerbeck.

Одной из наиболее важных инстанций международного сотрудничества в современной глобальной системе является ООН. В работе этой организации участвуют почти все государства мира, она вовлечена в многовекторное сотрудничество между странами и регионами Севера и Юга. Само существование ООН основано на положении об институциональном преимуществе этой структуры, создающей возможности структурного сотрудничества между государствами на условиях равенства, что способствует избеганию конфликтов, соблюдению прав человека и справедливости. Однако равенство между государствами, входящими в состав ООН, давно ставится под сомнение, а последние исследования показали, что структура ООН не только институционализирует неравенство между государствами путем предоставления дифференцированного доступа к процессу принятия решений (в особенности, неравенства между Глобальным Севером и Глобальным Югом на Совете Безопасности ООН), но что эти структуры часто бывают расовыми по происхождению, а значит иерархии внутри них также несут расовый характер. Как отмечено во

Введении к этой подборке статей мы рассматриваем расу как социальный конструкт, который предполагает создание другого (othering) и ранжирование групп, на основании характеристик, которые воспринимаются как неизменные, что, в свою очередь, приводит к неравенству доступа к социальным, политическим и материальным ресурсам.

Несмотря на признание расового неравенства между странами-членами ООН, ученые до недавнего времени не уделяли должного внимания изучению того, как эти иерархии действуют, воспроизводятся и укореняются *внутри* самой ООН, т.е. среди сотрудников организации. В недавно опубликованной [статье](#) “Race and International Organizations” [Раса и международные организации] мы обсуждаем миротворческий процесс ООН и на основании [теории расиализованных организаций](#) Рея (Ray 2019) приводим примеры действия четырех механизмов, которые закрепляют расовые иерархии в структурах ООН.

> Дифференциальная агентность, расиализованное распределение, наделение полномочиями и расовое разъединение

Сначала рассмотрим уровень агентности персонала, относящегося к различным расовым группам. Поскольку все новые миротворческие операции ООН за последние 20 лет осуществлялись в странах небелого большинства Африки, Азии и на Карибах, различия особенно выражены между интернациональным и национальным персоналом. Национальные кадры часто работают на вспомогательных ролях, как водители или переводчики, или обеспечивают локальное и культурное знание. Эти роли считаются менее значимыми, чем более «содержательная» работа, поэтому национальные кадры концентрируются на расово типизированных рабочих местах, имеющих более низкий статус в организации. Это находит выражение в значительной [разнице в оплате труда](#) между национальными и интернациональными кадрами. Агентность расиализованных групп в миротворческих процессах уменьшается также благодаря расовым назначениям небелого персонала на старшие позиции.

Во-вторых, мы обнаружили свидетельства расиализованного распределения организационных ресурсов. Одним из основных ресурсов миротворческих процессов является физическая безопасность, которая может накапливаться белым персоналом. Среди гражданских миротворцев [с большими рисками сталкиваются национальные кадры](#); они имеют меньше возможностей снижать уровень опасности, чем международные кадры. Так, например, во время

>>

кризисных ситуаций их гораздо реже эвакуируют. Аналогично, боевые подразделения стран небелого большинства подвергаются большему риску, чем военные стран белого большинства. Так, например, в Мали во время MINUSMA более оснащенные и технологичные европейские военные части выполняли роли разведки, оставляя на долю африканских военных подразделений более опасную задачу патрулирования.

В-третьих, мы нашли подтверждение тому, что белый цвет кожи работает как статусная привилегия. В миротворческих операциях некоторые навыки и задачи считаются более престижными; к таковым относятся планирование военной операции, обеспечение тематического знания о правах человека или реформе сектора безопасности. Часто считается само собой разумеющимся, что для выполнения подобных заданий больше подходит белый международный персонал, а небелые национальные кадры ассоциируются с локальным культурным знанием, которое считается менее сложным. Что касается собственно военной подготовки, то сильнейшая ассоциация белого цвета кожи с профессионализмом приводит к формированию [разделения труда](#), благодаря которому военные части из Европы и Северной Америки получают назначение на выполнение ролей по планированию и стратегическим решениям, а [патрулирование и сами операции](#) выполняются небелыми подразделениями из Азии и, особенно, из Африки.

И, наконец, мы обнаружили свидетельства разъединения по расовым признакам, при котором белые военные настаивают на особом отношении и обходят правила организации. Так, например, военные подразделения из стран белого большинства требуют особых транспортных средств, большего рациона и особых билатеральных договоров по вопросам медицинского обслуживания и эвакуации. Хотя такие условия не противоречат политике ООН, они укрепляют представления о том, что стандартные процедуры ООН вполне годятся для одних – воинских подразделений стран небелого большинства – и не подходят для других. В самом деле, поставка вооруженных сил для миротворческих операций может создать разнообразные [бенефиты](#) для принимающих стран, от [восполнения затрат до предотвращения переворотов](#) (coup-proofing). Однако часто эти страны, [более 90 процентов которых](#) расположены в Африке, Азии и Латинской Америке, – обладают меньшей договорной способностью при определении условий службы своего персонала, чем страны Глобального Севера.

Эти расовые иерархии являются продуктом неравного распределения власти и богатства между странами-членами ООН, результатом конкретных организационных процедур и траекторий развития, а также следствиями индивидуальных предпочтений персонала ООН. Но можно ли их демонтировать?

> Усилия ООН по продвижению равенства среди своих сотрудников

ООН приняла ряд мер по преодолению неравенства и предрассудков, характерных для сотрудников организации. В 2020 г. после протестов движения Black Lives Matter, Генеральный Секретарь ООН Антониу Гуттериш

запустил ряд инициатив в секретариате, среди которых выделяются *Задачи по преодолению расизма и содействию достойных условий для всех и каждого сотрудника*. [Опрос сотрудников](#) организации в том же году выявил, что треть работников секретариата ООН считают практики найма в организации дискриминационными по критериям расы, национальности или этничности. Такая же доля опрошенных сообщили, что сталкивались с дискриминацией на рабочем месте, причем респонденты, идентифицировавшие себя как черные или африканцы, в большей мере.

В 2022 г. в ООН была учреждена должность руководителя по вопросам разнообразия и вовлеченности, а также позиция специального советника по вопросам расизма и достойных условий труда для всех сотрудников. Секретариат запросил финансирование Офиса по вопросам разнообразия, равенства и инклюзии, но эта [заявка не была одобрена Комитетом ООН](#) по административным и финансовым вопросам.

ООН также увеличила оплату труда некоторых категорий национального персонала. Так, например, в Центрально-Африканской Республике годовая оплата труда в самой высокой профессиональной категории составляет \$84.735, что сопоставимо с уровнем средне квалифицированного персонала интернационального штата (P-3), которые получают \$77.884 в год. Эта сумма, однако, не включает разнообразные пособия, которые выплачиваются международным сотрудникам. Сотрудники общего профиля, занимающие самую низшую позицию в национальном штате, получают только \$7.690 в год. Эту позицию занимает самое большое число представителей национальных кадров,

Кроме того, в департаментах, управляющих миротворческими и специальными политическими миссиями, была создана межсекторальная Группа антирасистского действия. Ироничным образом, ООН объявила открытие позиции [на неоплачиваемую стажировку](#) в своем Женевском офисе для поддержки работы этой группы. Неоплачиваемая интернатура доступна только для лиц, имеющих собственные средства существования, как правило, из стран белого большинства, это как раз способствует сохранению неравенства, с которым должна бороться эта Группа.

И, наконец, ООН [запустила внутреннюю платформу коммуникации](#) для антирасистских сообщений, которая может превратиться в [инструмент самолегитимации](#), особенно если она будет работать только в режиме односторонней коммуникации по модели «сверху-вниз». Другие меры, такие как тренинги по бессознательным предпочтениям или обзор прошлого опыта дискриминации, вряд ли смогут изменить что-либо в ближайшем будущем. В свете вышесказанного остается неясным, насколько планы Секретариата в отношении борьбы с расизмом будут эффективны при сохранении прежней структуры деятельности этой организации. ■

Адреса для связи:
<s.b.k.vonbillierbeck@reading.ac.uk>, <Kseniya.Oksamytna@city.ac.uk>
Перевод Елены Здравомысловой

> Антирост, глобальные асимметрии и экосоциальная справедливость

Мириам Лэнг, Андский университет имени Симона Боливара, Эквадор

Протесты против Весенней встречи Всемирного банка, Вашингтон, Апрель 2024г. Фото: Мириам Лэнг.

Концепция антироста (degrowth) в основном представляет перспективу стран геополитического Севера, особенно Европы и Северной Америки. Тогда как в отношении Глобального Юга многие сторонники уменьшения роста поясняют, что эта программа не является универсальным рецептом трансформации, отвергая саму идею универсального пути, подходящего для всех регионов мира. Скорее, они утверждают, что сокращение роста в северных странах с высоким уровнем дохода необходимо для «увеличения экологического пространства» или [«освобождения концептуального пространства»](#) для стран и экономик, расположенных на периферии капиталистической мировой системы, чтобы позволить им [«найти свои собственные траектории к достижению того, что они определяют как хорошую жизнь»](#). Дополнительный аргумент заключается в том, что более бедные страны Глобального Юга должны развиваться, чтобы удовлетворить базовые потребности населения. Проект дероста опирается на конкретное понимание бедности, потребностей и благосостояния, связанное с материальным изобилием и дефицитом, сомнительное в свете последних дебатов на Глобальном Юге.

В этой статье я попыталась наметить некоторые сильные и слабые стороны проекта антироста с точки зрения задачи обеспечения глобально справедливой экосоциальной трансформации, а также изучить возможности пересечения этого концепта с некоторыми глобальными дебатами в этом контексте. Текст построен вокруг двух основных аргументов. Во-первых, я обобщаю диалоги, реакции и (не)взаимодействие между движением и исследовательской программой уменьшения роста и Глобальным Югом. Во-вторых, я подчеркиваю ограниченность утверждения, что торможение роста на Севере «откроет пространство для Юга», указывая, как некоторые дискуссии могут быть полезны для программы сокращения роста и наоборот, а также выявляю необходимость создания деколониальных альянсов между Севером и Югом, направленных против (зеленого) роста.

> Синергия между антиростом и альтернативными парадигмами Юга

Как отмечают сторонники дероста, [эта концепция](#) может быть не слишком мобилизующей на Глобальном

>>

Юге, где парадигма «отсталости» все еще оказывает сильное влияние на субъективное восприятие людей. Нет необходимости в том, чтобы проект сокращения роста стал руководящей концепцией преобразований на Юге. Латиноамериканские авторы, такие как [Артуро Эскобар](#), [Эдуардо Гудинас](#), [Альберто Акоста](#) и другие, доказали определенные совпадения и синергию между программой сокращения роста и постэкстрактивизмом, постразвитием и мировоззрениями коренных народов, такими как *сумак кавсай* (sumak kawsay), которые следуют продолжить изучать с точки зрения альянсов Севера и Юга.

И *сумак кавсай*, и программа сокращения роста отвергают современную идею неограниченного прогресса и экспансии и фокусируются на качественных, а не количественных, факторах того, что считается хорошей жизнью. Они также отвергают идею неограниченных потребностей, подпитываемых современным капитализмом, и выступают за ограничения. Концепция уменьшения роста рассматривает «[пределы не как нечто навязанное нам извне, а как сознательный выбор в пользу самоограничения](#)» в коллективном, совещательном воплощении радикальной демократии. *Сумак кавсай* дисфункционален для капиталистического накопления, потому что стремится противостоять неравенству и считает его угрозой для жизни сообщества. Эта парадигма также поощряет сотрудничество и взаимовыручку вместо конкуренции. Оба подхода подразумевают, что автономия, коллективное самоуправление или свобода предполагают установление правил поведения и, соответственно, ограничений, а не следование произвольно-му или навязанному извне порядку.

В то же время, несмотря на насыщенный диалог между идеями уменьшения роста и альтернативными концепциями из Латинской Америки, с точки зрения глобальной дискуссии проблематично, что сторонники дероста формулируют свои политические предложения в основном «с точки зрения Глобального Севера», не анализируя глубокие взаимосвязи и взаимозависимости в нашем неокOLONIALном глобализованном мире.

> Антирост на Севере не решит все проблемы

В литературе по антиросту часто встречается тезис о том, что этот проект в странах Глобального Севера с высоким уровнем доходов «освободит концептуальное пространство» или «экологическое пространство» для Глобального Юга. Некоторые авторы, например [Джейсон Хикел](#), даже утверждают, что сокращение роста — это деколонизальная стратегия. Я полностью согласна с Джейсоном Хикелом в том, что южные страны должны быть свободны в организации своих ресурсов и труда для удовлетворения собственных потребностей, а не для обслуживания северных стран. Но это произойдет только в том случае, если структуры, институты и правила глобализованной капиталистической мировой системы будут изменены, а для стран Юга будет создано реальное пространство для маневра. Для этого необходимы как региональные, так и глобальные альянсы.

Обратимся снова к недавнему латиноамериканскому опыту. Даже когда несколько лево-ориентированных правительств (2000-2015 гг.) заявили, что отказываются от логики неолиберализма и экстрактивизма, и создали отдельную геополитическую группу в регионе, их страны не смогли достичь эндогенной устойчивой региональной интеграции, базирующейся на принципе самоопределения. Напротив, они продолжили конкурировать друг с другом в экспорте сырья, обслуживая рост Китая и других крупных экономик. Было бы недальновидно освобождать латиноамериканские правительства от всей ответственности в этом контексте и игнорировать внутри-региональные дисбалансы сил.

Однако эти правительства также оказались в тесной паутине правил глобальной торговли и интеллектуальной собственности, динамики финансирования и задолженности, рейтингов страновых рисков, урегулирования споров и т. д., что значительно сузило их возможности. Эта паутина правил, с точки зрения глобальной справедливости, действует асимметрично. [Неравный обмен и дисбаланс сил в глобальной политической экономике](#) проявляется в том, что цены, которые латиноамериканские страны получают за экспорт сырьевых товаров, значительно ниже тех, что они платят за импортируемые обработанные товары. Имперское присвоение включает в себя не только дешевое необработанное сырье, но и дешевую рабочую силу, и товары, произведенные в некоторых регионах Юга, которые в 80-е годы стали мировыми фабриками. Глобальные товарные цепочки, где северные фирмы используют монопольную власть для снижения цен южных поставщиков, устанавливая при этом максимально высокие цены для потребителей, все еще [позволяют Глобальному Северу присваивать промышленный труд Юга по дешевке](#).

Поэтому для процветания Юга необходимо, но недостаточно сократить объемы поставок материалов и энергии на Глобальный Север. Реальное «освобождение пространства» для эндогенных и суверенных реформ на Юге не произойдет за счет простого сокращения спроса на сырье, если асимметричные глобальные экономические структуры останутся нетронутыми. Это может даже привести к катастрофической рецессии в некоторых южных странах, чего сторонники концепции сокращения роста обещают избежать.

> Необходимость деколонизальных глобальных союзов против зеленого роста

Вместо того чтобы открыть пути для устойчивого и глобально справедливого экосоциального перехода, гегемонные ответы на проблему изменения климата, ориентированные на «зеленый» рост, приводят к усилению экстрактивного давления на регионы Глобального Юга. Их приоритетами являются: а) обеспечение достаточного количества «стратегических полезных ископаемых» для новой промышленной революции с переходом на возобновляемые источники энергии; б) «энергетическая безопасность» и в) высокие показатели декарбонизации для Глобального Севера.

Вместо реального энергетического перехода это скорее означает общую [энергетическую экспансию](#) - новую движущую силу экономического роста. Геополитика войны в Украине еще больше усугубила эту экспансию, включив ископаемое топливо. Исследования, проведенные в Латинской Америке и Африке, показывают, как этот процесс «зеленого» роста, основанный на технологиях и возглавляемый корпорациями, оборачивается многочисленными проявлениями экологической несправедливости и формами [«зеленого» колониализма](#).

Гегемонная политика «зеленого» роста отводит регионам Глобального Юга четыре роли, каждая из которых содержит черты имперского присвоения: (1) Резерв сырья, который предполагается использовать для декарбонизации основных мировых держав. (2) Потенциальное место для «нейтрализации» выбросов CO₂, которые концентрируются на Севере (включая Китай), с помощью проектов по компенсации выбросов углерода, чтобы достичь цели «чистых нулевых выбросов» (zero net emissions), которые не нужно путать с реальными нулевыми выбросами. (3) Получатель экспорта отходов Севера, включая электронные и токсичные отходы возобновляемых технологий и цифровизации. И наконец, (4) потенциальный рынок новых технологий, которые экомодернизированные северные экономики будут производить и продавать по высоким ценам.

Один из главных вкладов программы сокращения роста в дебаты о глобальном экологическом управлении и справедливом экосоциальном переходе - открытая проблематизация «зеленого» роста, что делает идею сокращения роста потенциальным союзником акторов с периферии. Но такой альянс возможен только в том случае, если ученые и движения уменьшения роста будут активно участвовать в стратегиях по демонтажу структурных иерархий глобальной политэкономии.

Мой аргумент заключается не в том, что Глобальный Юг должен перестать расти и сократить все виды деятельности. Именно Глобальный Север, учитывая его историческую ответственность и колониальный, а также экологический долг, должен внести основной вклад в абсолютное сокращение материальных и энергетических потоков в условиях экологического коллапса. Но децентрализация экономического роста и приоритет жизни в планетарных границах могут означать выборочное сокращение вредной производственной и репродуктивной деятельности как на Глобальном Севере, так и на Юге.

На Глобальном Юге речь может идти, например, о сокращении добычи ископаемых ресурсов (экстрактивизма), которая не только привела к обнищанию многих социальных групп во имя роста, но и представляет собой серьезное структурное препятствие на пути самостоятельной экономической политики. С другой стороны, будучи одним из немногих голосов Глобального Севера, который ставит под сомнение логику «зеленого» роста и требует структурных изменений, проект сокращения роста должен стать частью исследовательских и политических альянсов. Но такие альянсы плодотворны только в условиях реального диалога с общественными движениями Глобального Юга, который выйдет за рамки концептуального сближения и станет участвовать в стратегии структурного изменения существующих асимметричных международных отношений. ■

Адрес для связи: <miriam.lang@uasb.edu.ec>

* Данный текст — это сокращенная версия статьи: Lang, M. (2024) "Degrowth, global asymmetries and ecosocial justice: decolonial perspectives from Latin America. [Уменьшение роста, глобальные асимметрии и экосоциальная справедливость: деколонизальные перспективы из Латинской Америки]" *Review of International Studies* <https://doi.org/10.1017/S0260210524000147>.

Перевод Дарьи Холодовой

> Феминистский проект антироста и экосоциальный переход

Бенги Акбулут, Университет Конкордии, Канада

В этой статье проект антироста рассматривается как контргегемонная программа, которая выходит за рамки доминирующего понимания переходного периода. Подчеркивая понимание стратегии антироста как переориентацию экономики (а не просто снижение ее масштабов), я выделяю три направления, которые являются фундаментальными для этого проекта: (а) выдвижение на первый план более широкой концепции того, что представляет собой работа; (б) справедливость, в частности, в отношении исторического и текущего неравенства между Глобальным Севером и Югом; и (в) автономия и демократия как организующие принципы экономики антироста.

> Расширение понятия «работа»

Первое направление — это более широкая концепция того, что представляет собой «работа», выходящее за рамки товарного наемного труда. Она должна включать виды труда, основополагающие для поддержания жизни (человеческой и нечеловеческой). Феминистские мыслители уже давно теоретизируют сферу труда, которая выходит за рамки товарного производства, но лежит в его основе, а именно — социальное воспроизводство. Социальное воспроизводство — это, прежде всего, труд по воспроизводству и поддержанию работников. Но оно также охватывает производство товаров и услуг, необходимых для поддержания жизни, и работу по восстановлению социальных и экологических условий жизни и (товарного) производства. Социальное воспроизводство включает не только те формы труда, которые непосредственно производят и поддерживают способность человека к производству, но и те, которые [поддерживают, опосредуют и преобразуют биофизические процессы, лежащие в основе жизни](#).

Отличительной особенностью социального воспроизводства является то, что оно, с одной стороны, имеет выраженный гендерный (и расовый) профиль, а с другой — в высшей степени невидимо и обесценено, то есть кодифицировано как «не-работа». Это далеко не случайно: товарное производство при капитализме не только скрывает эту сферу труда и производства, но и существенным образом зависит от ее обесценивания: дешевое, если не совсем бесплатное, производство рабочей силы, ее пропитание и более широкие эколого-социальные условия производства сыграли важную роль [в развитии и воспроизводстве капитализма](#). Феминистская наука указывает на глобальный масштаб обесценивающихся и невидимых потоков стоимости, проводя параллели между колонизацией, господством над природой и порабощением женщин. Таким образом, социальное воспроизводство носит глобальный характер и включает в себя труд колоний, коренных народов и производителей натурального хозяйства, которые

воспроизводят глобальную рабочую силу и защищают/восстанавливают природные метаболические циклы. К этому добавляется глобальное разделение социального репродуктивного труда, где расиализованный социальный репродуктивный труд (например, труд мигрантов) служит для уменьшения затрат на поддержание и накопление капитала, особенно в странах Глобального Севера.

Расширенная концепция работы предполагает, прежде всего, признание, вознаграждение и поддержку этой невидимой сферы труда и производства. Возможные действия в этом направлении включают в себя внедрение оплаты труда за домашний уход, расширение прав и льгот основных работников и государственные инвестиции в социальное и экологическое воспроизводство. Такая политика не только обеспечит материальную поддержку работникам, занятым в сфере социального воспроизводства, но и может способствовать изменению представлений о том, что признается ценной работой.

Однако признания и подтверждения недостаточно для выдвижения приоритетных задач. Простое признание и подтверждение социального воспроизводства, без проблематизации его организации, рискует закрепить его гендерное (и расовое) распределение. Уменьшение социального метаболизма и сокращение потребления материальных и энергетических ресурсов подразумевает решение важных вопросов. Например, о том, какие виды деятельности будут в большей степени опираться на человеческий труд, и чей труд заменит сокращение потребления энергии, например, в домашнем производстве, сельском хозяйстве или транспорте. Как отмечают [феминистские сторонницы концепции снижения роста](#), в условиях укоренившейся модели гендерного разделения труда, такие структурные сдвиги без обеспечения гендерной справедливости рискуют привести к рефеминизации социального воспроизводства.

Крайне важно, что феминистское мышление и политика не только способствовали признанию и вознаграждению труда по социальному воспроизводству. Они также поставили вопрос о том, как организуется этот репродуктивный труд, то есть кто будет его выполнять, в каком объеме, на каких условиях и под чьим контролем, нужно ли и как его оплачивать и как принимать решения о его распределении. На самом деле, для феминистской политики сделать социальное воспроизводство видимым и показать его как труд — это не самоцель, а скорее средство для борьбы за изменение его (гендерного и расового) распределения и условий, в которых он выполняется. Это очень важный момент расширенной концепции работы и организации социального воспроизводства. Несмотря на то, что готового плана не существует, [феминистская наука и практика](#)

>>

“Производство товаров при капитализме не только скрывает сферу труда и производства, но и фундаментально зависит от ее обесценивания”

предоставляют инструменты для решения этих вопросов, показывая примеры кооперативных и эгалитарных форм жизнеобеспечения, где труд имеет коллективный характер и организован по принципу гендерной справедливости.

Итак, проект антироста выдвигает на первый план расширенную концепцию работы, признавая и вознаграждая труд социального воспроизводства, который является основой для поддержания жизни (человеческой и нечеловеческой), а также видение его коллективной, эгалитарной и демократической организации. Такой приоритет создает оптику для осмысления справедливости переходного периода, поскольку оно приобщает не только понятие переходного периода, но и понятие справедливости к разнообразной и обширной сфере труда и производства, которые лежат в основе товарного производства и накопления капитала. Иными словами, справедливость перехода требует справедливости для (человеческих и нечеловеческих) работников социального воспроизводства.

> Антирост как/через справедливость

Вторая фундаментальная ось — справедливость. Антирост — это проект установления справедливости в двух взаимосвязанных аспектах. Во-первых, справедливость требует установления пределов, поскольку социальные и экологические издержки роста всегда неравномерно распределяются внутри и между обществами и географическими регионами. Снижение масштабов использования энергии и ресурсов — это проект установления справедливости. Это особенно актуально для отношений между Глобальным Севером и Глобальным Югом, поскольку экономический рост на Севере привел и продолжает приводить к серьезным социально-экологическим последствиям для Юга. Поэтому [Север обязан перестать расти](#), оставляя больше места для жизни других.

Во-вторых, что более важно, рост обусловлен и поддерживается глобальной несправедливостью. Исторически сложившиеся неравные отношения между Глобальным Севером и Югом продолжают воспроизводиться и лежат в основе глобального капитализма. Эти отношения ставят страны Севера и Юга в неординарное положение, когда процветание и рост первых в корне зависят от потоков дешевой Природы и рабочей силы из вторых. Историческая динамика глобального капитализма, сделавшая Север богатым, также поставила страны Юга на путь, связавший их с императивом вечного роста, например, через структурную зависимость от добывающей промышленности, обслуживание долга или структурную перестройку.

Таким образом, исправление исторически сложившейся и ныне существующей несправедливости является основополагающим фактором уменьшения роста и придает ему важнейшее международное измерение. Хотя снижение роста — это проект, разработанный преимущественно

в основных индустриальных странах Глобального Севера и для них, а связанные с ним политика и действия предусматривают вмешательство в экономику этих стран, последствия «ответственности за сокращение роста» ни в коем случае не ограничиваются географическими границами Глобального Севера. Снижение роста как утверждение справедливости — это обязательно проект, направленный на преодоление исторических и современных последствий экономического роста, с одной стороны, и воспроизводящих рост структур глобальной экономической системы неравенств, с другой.

Такая [переработка связи между снижением роста и справедливостью](#) занимает центральное место в мышлении и активизме сторонников этой модели. Особенно актуально в связи с этим понятие экологического долга, то есть исторического и современного присвоения и/или непропорционального использования и поглощения экологических ресурсов и экологически неравного обмена, то есть неравных потоков Природы, воплощенной в товарах. Однако этот подход необходимо дополнить глобальной перспективой социального воспроизводства, которая расширяет понятие справедливости, включая неравные потоки жизнеобеспечивающего труда людей и Природы между Глобальным Севером и Глобальным Югом. Таким образом, речь идет не только об использовании и присвоении потоков (воплощенной) Природы через неравный обмен в глобальной торговле, но и в более широком смысле о потоках социального репродуктивного труда, который поддерживает и воспроизводит капиталистический рост. Поэтому действия по устранению глобальной несправедливости должны учитывать более широкое понятие «социального репродуктивного долга», которое включает расиализированный и удешевленный социальный репродуктивный труд, перетекающий с Глобального Юга на Север, а также колониальные репарации и возвращение земель их законным хранителям, принадлежащим к коренным народам.

Конкретные действия и мероприятия, вытекающие из такого понимания снижения роста как проекта утверждения справедливости, можно разделить на три категории, которые в целом совпадают с предложениями, изложенными в главе о долге в книге *Future is Degrowth: A Guide to a World Beyond Capitalism* [Будущее за снижением роста: руководство к миру после капитализма]. Первая связана с устранением исторической и современной несправедливости и включает в себя такие меры, как погашение экологического и, шире, социального репродуктивного долга, климатические и колониальные репарации, а также вмешательство в глобальную финансовую и торговую систему, которое обращает вспять/избавляет от динамики неравного обмена между странами Глобального Севера и Юга. В этом смысле проект сокращения роста присоединяется не только к современным движениям, требующим репараций и суверенитета коренных народов, таким как Движение за возвращение земли ([Land Back Movement](#)), но

>>

и к тем, которые возрождают трансформационный потенциал Южного альянса экологических кредиторов ([Southern Peoples Ecological Debt Creditors Alliance](#)), который переосмыслил так называемый долговой кризис Третьего Мира в терминах долга Глобального Севера.

Вторая группа действий/мероприятий связана с потенциально пагубными последствиями сокращения производства и потребления в промышленно развитых странах для [Глобального Юга](#), особенно для стран, структурно зависящих от экспорта или иностранных инвестиций. Поскольку асимметричные отношения, потоки и разделение труда между Глобальным Севером и Югом также исторически сформировали многие экономики Юга, структурно зависящие от экспортных секторов, последние пострадают в случае сокращения производства на Севере. Хотя вышеупомянутые меры, ориентированные на справедливые отношения, принесут определенное облегчение, необходимы и прямые меры, такие как трансфер ресурсов для реструктуризации экономики.

И третий, заключительный блок предложений касается открытия и укрепления пространства для Глобального Юга, чтобы он мог идти по пути, не связанному с ростом, если он сам того пожелает. Это подразумевает, с одной стороны, серьезное признание различных движений, предложений и мировоззрений Глобального Юга, выходящих за рамки роста (например, постэкстрактивизм, *убунту*, *Buen Vivir*). И с другой стороны, необходимо принятие мер по ослаблению встроенного императива роста на Глобальном Юге путем, например, финансирования кооперативных/государственных систем обеспечения, не связанных с ростом, или поддержки отказа от неравных отношений обмена.

> Антирост как автономия/демократия

Третья и последняя ось – автономия и демократия. Она связана с призывом отказаться от социального воображения, в котором доминирует императив роста, и выдвинуть на первый план демократическое принятие решений при формировании экономических процессов. Аналогом этого призыва является акцент проекта снижения роста на автономии. В значительной степени этот проект вдохновлен концепциями автономии (и, соответственно, демократии), разработанными такими мыслителями, как Иван Илич, Андре Горц и Корнелиус Касториadis. Несмотря на различия, общим для этих мыслителей является понимание того, как увеличение масштабов экономической деятельности подрывает способность к самоуправлению, будь то централизация и бюрократизация процесса принятия экономических решений или эрозия способности к самостоятельному определению потребностей в ходе развития рыночной экономики. Бесконечный экономический рост нежелателен, даже если бы он был биофизически возможен, поскольку он вытесняет способность к коллективному самоуправлению.

Поэтому демократизация процесса принятия экономических решений в направлении расширения самоуправления, то есть предоставление всем акторам возможности участвовать в принятии решений, влияющих на их жизнь, является неотъемлемой частью проекта снижения роста. Это проявляется, во-первых, в том, что проект отказа от роста настаивает на коллективном и демократическом определении потребностей и ограничений, то есть, реше-

нии о том, какие виды деятельности следует отменить, какие ограничить, а какие поддержать и расширить. Но эта идея также перекликается с акцентом на том, чтобы «развиваться *по-другому*, а не только меньше расти». Эта парадигма призывает к построению другого типа экономики, выполняющей функции, отличные от тех, что построены на эксплуатации, накоплении и росте, в пользу той, что сосредоточена на потребностях, жизнеобеспечении, справедливости и солидарности. Ограничение власти корпораций, установление демократического контроля над деньгами и финансами, формирование государственного бюджета на основе широкого участия, демократическое управление производственными мощностями, а также создание и укрепление альтернативных (некапиталистических) форм производства, распределения/обмена и потребления являются, таким образом, фундаментальными аспектами проекта снижения роста.

Демократизация процесса принятия экономических решений в различных масштабах посредством таких вмешательств и практик способна выдвинуть на первый план конкретные потребности, потребительную стоимость и [неденежные блага](#), а не накопление, максимизацию прибыли и рост; и поставить во главу угла такие принципы, как обеспечение устойчивых и справедливых средств существования или восстановление, обновление и защиту качества окружающей среды. Открытие процессов принятия экономических решений для демократического участия более широкого круга участников позволило бы вовлечь более широкий спектр требований и ценностей в процесс принятия решений, например, о том, что, сколько и для кого производить в тех или иных условиях, как устанавливать цены или заработную плату и куда инвестировать прибыль. Это откроет пространство для переосмысления экономических императивов, таких как рост или эффективность, позволит реализовать альтернативные цели и (ре)политизирует экономику, подвергая экономическую рациональность общественному обсуждению и контролю.

Демократия и автономия в экономической сфере — это не только принципы, которые сами по себе заслуживают внимания. Они могли бы стать силой, способной обуздать и преобразовать социально и экологически разрушительную динамику капиталистических экономик роста. Акцент на экономической демократии и автономии особенно важен на фоне основных дебатов об экосоциальном переходе. Предложения в рамках этого направления, в основном, сводятся к структурной переориентации экономической деятельности, например, к отказу от секторов, работающих на ископаемом топливе, часто в сочетании с использованием экоэффективных технологий. Они сводят вопрос о преобразованиях к тому, чтобы «правильно» инвестировать, то есть отказаться от экологически разрушительных видов деятельности и исправить неправильное распределение производственных мощностей. Однако в этих дискуссиях отсутствует видение того, как должно управлять экономическими процессами и какие экономические институты необходимы. Именно здесь акцент программы антироста на автономии/демократии приобретает решающее значение, поскольку он позволяет проблематизировать процессы принятия экономических решений в ходе дебатов о переходном периоде. ■

Адрес для связи: <bengi.akbulut@gmail.com>
Перевод Дарьи Холодовой

> Как построить справедливый и народный энергетический переход?

Татьяна Роа Авенданьо, Вице-министр по планированию в сфере окружающей среды и территории, Колумбия, и **Пабло Бергинат**, Экологическая мастерская, Аргентина

Рис.: [Angie Vanessita \(angievanessita.wordpress.com\)](https://angievanessita.wordpress.com).

Стремясь к социально-экологической справедливости и опираясь на принципы народного экологизма, мы отстаиваем справедливый и народный энергетический переход, основанный на антикапиталистическом и социально-экологическом нарративе. Однако для этого мы должны сначала провести диагностику текущей ситуации и наметить путь к желаемому будущему. Важно понять масштабы изменений, необходимых для решения проблем, связанных с энергетикой. Это подразумевает учет не только выбросов парниковых газов, но и социального неравенства и социаль-

но-экологических последствий на разных территориях, а также анализ конфликтов, связанных с энергетикой и концентрацией энергетической власти в руках нескольких человек и крупных корпораций.

Мы понимаем энергетическую систему как социальные отношения, образующие связи внутри общества и связи между обществом и Природой, которые определяются производственными отношениями. Справедливый и опирающийся на массовую поддержку энергетический переход требует, демократизации, дефоссилизации (отка-

>>

за от ископаемого топлива), децентрации, децентрализации и депатриархализации. Но какие действия и процессы необходимы для осуществления этого комплекса процессов?

> **Путь декоммодификации и демократизации**

Справедливый и поддержанный обществом энергетический переход основан на предпосылке, что все люди имеют право на использование энергии, и энергия не должна считаться товаром. Речь идет о деприватизации и укреплении различных форм общественного, партисипаторного и демократического управления энергетическими ресурсами. Один из лозунгов энергетического перехода - декоммодификация - подразумевает освобождение энергии от коммерческой логики экономической выгоды и сосредоточение ее на контроле и воспроизводстве жизни во всех ее измерениях, как материальных, так и символических.

Мы рассматриваем энергию как часть общего достояния, а значит, как коллективное право, согласующееся с правами Природы. Необходимо сформировать видение энергии как права, взяв в качестве примера борьбу за право на воду. Это право принадлежит не только людям, но и всем живым существам. Мы включаем в это определение Природу и все ее виды, поскольку признаем, что существует взаимозависимость между полноценной жизнью человека и окружающей средой.

В рамках нынешней капиталистической системы рынок является инструментом секторов экономики, смысл которых основан на неограниченном накоплении капитала, выходящем за пределы физических возможностей. Концепция декоммодификации ставит под сомнение центральную роль капиталистических рынков в удовлетворении конкретных потребностей людей. Восстановление общественной собственности имеет важное значение для этого пути. Оно подразумевает не только дискуссию о праве собственности, отвоюывая его у частных рук, но и об управлении. С нашей точки зрения, восстановление общественного (the public) не должно ограничиваться его ассоциацией с государством. Речь идет об укреплении и воссоздании всех форм общественного владения и управления, включая исторический опыт, связанный с общинными, коммунальными, муниципальными, совместными и кооперативными территориями. Это ценные инструменты, которые необходимо противопоставлять предполагаемой более высокой эффективности, которую предлагают частные компании при оказании услуг.

Декоммодификация и социальное конструирование права на энергию подразумевают, помимо прочего, проведение широкой законодательной, нормативной и регуляторной реформы, отменяющей законы о приватизации и либерализации рынков, которые поставили частный сектор в центр энергетической системы. Также важно продвигать процесс деприватизации, охватывающий не

только энергетические компании, но и другие базовые услуги, а также разрабатывать инструменты, укрепляющие все формы общества с точки зрения собственности и управления, с акцентом на различные уровни и сферы (кооператив, сообщество, государство и нация). Для этого необходимо укрепить соответствующую институциональную базу.

В качестве первого шага на пути демократизации энергетического сектора необходимо создать информационные механизмы, позволяющие вовлекать в процесс принятия решений представителей любой общины, будь то городская или сельская. Для этого важно пересмотреть, исправить и даже, в некоторых случаях, отменить политику прямого субсидирования ископаемого топлива и секторов экономики, основанных на таком топливе. Также крайне важно признать и поддержать институты и акторов, участвующих в производстве, распределении, управлении и потреблении энергии вне капиталистического рынка.

Кроме того, важно допустить возможность принятия решений по вопросам энергетики (производство, потребление, энергетическая бедность и т.д.) на местном уровне. Муниципальные энергетические агентства и опыт возвращения общественных услуг являются примерами, которые можно было бы поддержать и взять на вооружение. Чтобы сделать этот процесс более динамичным, необходимо также продвигаться методологически: разрабатывать инструменты и процедуры для построения энергетической политики на местном, общинном и муниципальном уровнях как формы коллективного присвоения этой политики.

> **Речь идет не только о декарбонизации**

Углеродные поглотители (механизмы, поглощающие выбросы парниковых газов) и конечность запасов полезных ископаемых ограничивают возможности замены ископаемого топлива возобновляемыми источниками в рамках существующей матрицы производства и потребления. Это означает, что главной целью является сокращение чистого потребления энергии. В то же время, это сокращение должно планироваться и осуществляться с учетом необходимости сбалансировать существующее неравенство и потребности различных стран и социальных групп.

Важно также учитывать, что недостаточно просто продвинуться в использовании возобновляемых источников энергии. Скорее, необходимо учитывать экологические, социальные и политические аспекты каждого конкретного предприятия, чтобы определить его устойчивость.

Среди действий, которые можно предпринять для решения этих проблем, выделяются следующие:

- договориться не разрабатывать нетрадиционные и традиционные углеводороды в зонах ри-

>>

ска (напр., шельфовые зоны) или сократить их использование в рамках плана по отказу от ископаемого топлива в краткосрочной перспективе;

- отслеживать чистое снижение энергопотребления сверх принятых климатических обязательств;
- выработать конкретные предложения для различных секторов экономики (так, напр., транспорт, который в Латинской Америке является основным потребителем энергии, должен рассматриваться как самостоятельный энергетический сектор);
- разработать инструменты, визуализирующие социально-экономические выгоды энергоэффективности, и ввести изменения в регулирование, противодействующие коммерческой логике;
- отказаться от конкурсных процедур по возобновляемым источникам энергии между крупными коммерческими/транснациональными поставщиками как единственного варианта и вместо этого отдать предпочтение децентрализованному и децентрализованному развитию этих источников.

> О модели производства и потреблении

Чтобы двигаться в направлении справедливого и ориентированного на общество энергетического перехода, необходимо построить модель производства, совместимую с устойчивостью жизни и заботой об экологических системах и циклах, которые делают ее возможной. Очень важно, как предлагают феминистские исследователи, *поставить жизнь в центр модели перехода*.

Предлагаемый нами энергетический переход требует признания природных и человеческих физических ограничений, а также [имманентности и важности связей и отношений как неотъемлемых характеристик существования жизни](#). Эти концепции связаны с новыми способами организации жизни в обществе, новыми формами производства, переоценкой места, занимаемого производительным и репродуктивным трудом в обществе, и новыми формами потребления, связанными с изменением метаболизма системы «общество - Природа».

Независимо от инициатив, связанных с энергоэффективностью в различных секторах экономики, необходимо проводить отраслевой анализ, чтобы поставить под со-

мнение региональную матрицу производства и транспортировки и выработать устойчивые и справедливые альтернативы. Конкретные предложения в этой области включают следующее:

- установление максимального масштаба циркуляции товаров и разработка коротких производственных цепочек, в которых приоритет отдается местной продукции;
- анализ сфер материального производства, которые нуждаются в сокращении, и выявление тех продуктов, которые следует прекратить производить; анализ потенциала роста сферы услуг по сравнению с материальным производством. Такая работа должна сопровождаться установлением сроков такого сокращения роста;
- развитие новых сфер производства и менее энергоемких услуг;
- определение сроков прекращения использования индивидуальных автомобилей внутреннего сгорания;
- внедрение процессов изменения модальности грузового транспорта;
- переосмысление роли и дизайна инфраструктуры, поскольку она финансируется из государственных средств и определяет будущее поведение и потребление.

Аналогичным образом должен происходить процесс, который позволит нам продвинуться в социальном строительстве других форм удовлетворения человеческих потребностей. Это интенсивный масштабный процесс, но его можно ускорить с помощью различных инструментов, например, с помощью укрепления городских сетей устойчивого потребления; разработки правил, запрещающих запланированное устаревание; проведения массового анализа жизненного цикла товаров; запрета или ограничения рекламы определенных категорий товаров; создания программы быстрой ликвидации энергетической бедности; увязки энергетической политики с политикой в области окружающей среды; ограничения использования энергии в целях потребления роскоши. ■

Адреса для связи: <troaa@censat.org>, <pablobertinat@gmail.com>, Twitter: [@tataroaa](#) and [@PactoSur](#)

Перевод Дарьи Холодовой

> (Пан)африканские экофеминистские движения

Зо Рандриамаро, Центр исследований и поддержки альтернатив развития – Индийский океан, Мадагаскар

Рис.: Freerik / Адаптирован Арбу.

Африканское экофеминистское движение находится на пересечении трех движений, которые борются против империалистических идеологий и институтов, разрушающих и подрывающих культуру и институты коренных народов: антинеолиберального движения (в основном поддерживаемого сторонниками климатической справедливости), антиимпериалистического движения (выдвинутого деколонизаторами) и антипатриархального движения, возглавляемого феминистками. Таким образом, [афро-эко-феминистки](#) стремятся разрушить властные структуры и иерархии, которые угнетают и эксплуатируют как женщин, так и природу.

>Панафриканское феминистское движение за климатическую справедливость

На уровне сообществ растет осознание угроз биоразнообразию и устойчивости климата, возникающих в результате реализации масштабных агропромышленных и добы-

вающих проектов на африканском континенте, а также их связей с корпоративной и государственной властью. Экофеминизм неотделим от инициатив на низовом уровне, направленных на сохранение, развитие или восстановление пригодных для жизни пространств и социальных связей с помощью материальных и культурных процессов, которые позволяют обществу воспроизводить себя, не уничтожая другие общества или виды жизни.

С этой точки зрения особое внимание следует уделить движениям за климатическую справедливость, которые фокусируются на экологическом кризисе и его коренных причинах с феминистской точки зрения, основываясь на растущем осознании пострадавшими людьми того, что доминирующая неолиберальная модель развития является неустойчивой. Такие экофеминистские движения сосредоточены на климатическом и экологическом кризисах в Африке, на их связи с добывающим развитием и его гендерными последствиями, и требуют «демонтажа неспра-

>>

ведливой капиталистической системы, чтобы позаботиться о планете и возместить исторические нарушения прав народов и природы», как предлагают [Маргарет Мапондера](#), [Труша Редди](#) и [Саманта Харгривз](#).

В силу своего транснационального характера движение за климатическую справедливость и проект деколонизации Африки не могут ограничиваться фрагментированным подходом, а требуют панафриканского курса действий. Фрагментация и идеологическое разделение континента в значительной степени способствовали сохранению различных форм колониализма в Африке и поэтому панафриканизм является критической опорой проекта деколонизации, который развивают афро-экофеминистки.

> Африканский экофеминизм и деколонизация

[Вангари Маатаи](#) утверждает, что «колониализм положил начало деградации природы, вызванной индустриализацией и добычей природных ресурсов [...] Вырубка лесов, плантации импортных деревьев, которые разрушали экосистему, охота на диких животных и коммерческое сельское хозяйство были колониальными действиями, которые разрушили окружающую среду в Африке». Таким образом, с самого начала афро-экофеминизм был важной опорой деколонизального феминистского подхода к продвижению системных изменений в Африке.

В этом отношении афро-экофеминистки также опираются на свое богатое традиционное наследие и культуру коренных народов, бросая вызов патриархальной власти и неоколониализму. В то время как некоторые африканские феминистки, напр., Фаинос Мангена (Fainos Mangena), утверждают, что африканская культурная традиция и общинная философия несовместимы с феминизмом, поскольку они глубоко патриархальны, другие экофеминистки (Сильвия Тамале (Sylvia Tamale) и Мунамато Хемхуру (Munamato Chemhuru), утверждают, что африканская традиционная философия и такие интеллектуальные системы, как убунту, могут быть использованы для достижения гендерной справедливости, а также других целей афрофеминизма.

Как утверждает угандийская исследовательница и правозащитница [Сильвия Тамале](#), «основные черты экофеминизма очень похожи на те, что традиционно практикуются в западных культурах коренных народов». В частности, экофеминистским практикам есть что почерпнуть из «эпистемических отношений между коренными народами и природой, [которые] проявляются через их духовность, клановые тотемы, табу, мифы предков, ритуалы, предания и так далее [...] Примечательно, что последствия нарушения табу не индивидуализированы, а ответственность за соблюдение табу носит общинный характер. Если вы нарушили социальное табу, ваши родственники также страдают от последствий» (с. 87-89).

Типичной иллюстрацией этих эпистемических отношений является приведенное ниже высказывание женщин, которые являются хранительницами местных святынь и биокультурного наследия (*Mpijoro tany*) коренной народности острова Сакатия северо-западной части Мадагаскара:

«Наша роль «мпиджоро тани» — это наш долг перед на-

шей деревней, которую основал наш праотец. Есть священное место под названием Анкатафабе, еще одно - в Ампиджороа, а также в Анкофиамене. Раньше здесь не было церкви, но это были места, где мы молились Богу, как в церкви. Это места ежегодной «фиджороаны» (ритуальной молитвенной церемонии), где мы молились и просили благословения [...] Наши предки строго соблюдали «фадин-тани» (земельные табу), и большинство людей в Сакатии соблюдают их до сих пор. Если человек нарушает «фади» (табу), он должен убить зебу в качестве возмещения причиненного вреда». (Джастин Хамба, руководитель ритуальной молитвы, 2021 год).

Другой хранитель священных мест на острове Сакатия объяснил смысл традиционных ритуалов и обычаев и жизненно важную роль их соблюдения для общего блага, и обеспечения единства, сотрудничества, любви и доверия в общине, а также для установления уважения между живыми и мертвыми:

«Есть способ сохранения «кодри» (рыбы) для тех, кто ее ест. Вы берете только то количество, которое вам необходимо; излишки должны быть распределены между членами общины; их нельзя выбрасывать или продавать. В этом заключается чувство общности и любви. Те, кто приносит еду, не обязательно едят ее; она должна быть разделена с общиной. Ее нельзя продавать и добывать в больших количествах, иначе она вымрет, и, поступая так, люди наносят вред окружающей среде [...] Мелких животных, например «анжаву», маленькое животное, живущее в тенистых и прохладных местах, нельзя убивать без всякой причины, Зеленый лес, где он прячется, нельзя вырубать. Если человек убьет такое животное, с ним случится что-то плохое. Проклятие не пройдет, пока он не снимет с себя наказание (манала фади) и не извинится перед традиционными религиозными вождями деревни [...]. Человек, нарушивший табу, совершает осквернение; эти животные - сокровища этой земли, которыми дорожили наши предки, и их нужно всегда уважать и оставлять в деревне [...] Запрещено уничтожать леса, которые обеспечивают дождь и свежий воздух, необходимые нам для жизни. Вот почему Сакатия - зеленый остров, потому что мы не рубим лес на холмах, а сажаем деревья. А еще мы защищаем морских обитателей, в том числе рыбу, не позволяем рыбакам использовать нестандартные сети. Мы защищаем морских черепах и эндемичные виды рыб, такие как «хороко» и «кодри» [...] У нас в деревне есть дина (традиционная социальная конвенция с системой наказаний): например, если вы ругаетесь или используете нецензурную лексику, в «дине» есть соответствующее наказание. Вы должны пойти к религиозному вождю и попросить прощения, иначе все в деревне будут прокляты». (Селестина, ведущая ритуальных молитв, 2021 год)

Как видно из приведенных выше высказываний, малагасийские общины в Сакатии придерживаются той же «[этики соотношения с природой](#)», что и многочисленные коренные народы Африки к югу от Сахары, которые также опасаются антропоцентричного вмешательства в природу, подрывающего здоровую сеть жизни и ставящего под угрозу выживание планеты. Как справедливо подчеркнул Сильвия Тамале в своей книге [Decolonization and Afro-Feminism](#) [Деколонизация и афрофеминизм], «женщины

>>

Глобального Юга, возможно, и не называют себя «экофеминистками», но они имеют долгую историю экологического сознания и моральных обязательств перед будущими поколениями».

> Африканские экофеминистские альтернативы развитию

С деколониальной экофеминистской точки зрения, многие перспективные альтернативы уже реализуются на микро- и мезоуровнях. Многие из этих альтернатив (экономика солидарности и коллективные решения в отношении труда и таких ресурсов, как семена и деньги) зародились в Африке и должны получить признание и развиваться. Как и в Латинской Америке, где получили распространение некоторые практики и идеи космологии коренных народов, включая права природы и мировоззрение «Buen Vivir», в Африке, безусловно, существует значительный архив эндогенных идей, практик и политических концепций, которые заложены в традициях, а также в антиколониальной борьбе и постколониальных преобразованиях, из которых мы должны черпать вдохновение и руководство. К ним относятся системы знаний коренных народов, общинное землевладение - права на землю коренных народов и общественное трудовое сотрудничество.

Главными среди критических альтернатив являются практики, основанные на южноафриканском мировоззрении и философии [Убунту](#), которые распространены по всей Африке к югу от Сахары и «стремятся как можно больше [сократить традиционные патриархальные, дуалистические и антропоцентрические взгляды на существование](#)». Благодаря убунту африканцы на протяжении веков прославляли ценности, связывающие прошлое и настоящее, людей и природу.

Как африканская этическая парадигма, убунту несовместима с капиталистическими отношениями, частной собственностью и повсеместным неравенством. Скорее, она требует активизма солидарности и деколонизации против того, что Вишвас Сатгар (Vishwas Satgar) называет «[им-перским экоцидом](#)». Экологическая этика убунту породила «[радикальное понятие постэкстрактивизма](#), то есть идею отказа от добычи ископаемого топлива и минералов, которые являются движущей силой разрушительного капиталистического накопления и его кризисов, в частности изменения климата, ради будущих поколений».

С точки зрения [африканских экофеминисток](#):

«Экологическая этика убунту подчеркивает необходимость с заботой, благоговением и добротой относиться к различным аспектам природы, которые традиционно считались морально незначимыми, таким как нечеловеческие одушевленные существа, и уделять им этическое внимание». В то же время экофеминистское измерение убунту подразумевает, что такие ценности, как забота, доброта и благоговение могут быть также присвоены или приписаны неживым существам, включая объекты физической природы, растения и водоемы, которые не обязательно обладают чувствами».

Африканские сельские и коренные женщины уже осуществляют реальные альтернативы, защищая свои территории, свою автономию, формы производства, общественные отношения и взаимозависимую связь с природой, без которой им не выжить, от глубоко разрушительной экстракционистской модели существования. Такие жизненные альтернативы выражают себя в способах производства, обмена, ухода и восстановления наших природных ресурсов, воспитания наших семей и общин, сотрудничества в наших сообществах и т. д. По словам [WoMin](#), «Если мы и планета хотим выжить, то все человечество должно поддерживать альтернативу развития, которую практикуют и развивают в своем экофеминистском сопротивлении экстракционистской патриархальности большинство женщин в Африке: они несут бремя климатического и экологического кризиса и, как ни парадоксально, наименее виновны в этой проблеме».

Если говорить конкретно, то справедливые и устойчивые альтернативы будущего, построенные на философии убунту и основанные на коллективной солидарности и обмене опытом между народами, а также на действительно устойчивых способах жизни в гармонии с природой, включают ряд принципов, которые сформулировали африканские эко-феминистки. Прежде всего, они ориентированы на сохранение продовольственного суверенитета с помощью агроэкологической модели сельского хозяйства с низкими затратами. Они стремятся обеспечить суверенитет людей над их собственным способом достижения благополучия, используя Концепцию согласия женщин Глобального Юга, которая предоставляет пространство для живых альтернатив развития на местном уровне. В то же время эти альтернативы должны быть направлены на энергетический суверенитет через устойчивые и децентрализованные коллективные формы производства возобновляемой энергии под контролем сообществ и, в частности, женщин, и положить конец добыче и сжиганию всех видов ископаемого топлива. Они по-прежнему считают допустимыми мелко-масштабные мало затратные формы добычи в рамках коллективных форм собственности и с учетом местных и региональных приоритетов. Что касается модели управления, то на всех уровнях принятия решений они являются сторонниками демократии широкого участия, которая признает центральную роль женщин в обществе, их особые потребности и требование полного и постоянного согласия со стороны затрагиваемых сообществ и, в частности, женщин.

Эти альтернативы также оспаривают примат частной собственности, уважая и поддерживая системы, в которых природные ресурсы «принадлежат» и управляются коллективами и группами. Активное расширение общей собственности является важнейшей частью борьбы с приватизацией и финансиализацией. Кроме того, экофеминистские альтернативы развития ориентированы на сокращение роста и быстрый переход богатых и средних классов традиционных стран Глобального Севера и Юга к образу жизни с низким уровнем потребления. ■

Адрес для связи: <randriamarozo@gmail.com>
Перевод Дарьи Холодовой

> Хроника ста шести решающих дней для демократии в Гватемале

Ана Сильвия Монсон, Латиноамериканский факультет социальных наук (FLACSO), Гватемала

“Гватемала заслуживает новой весны” Фото: Carlos Choc.

В 2023 году в Гватемале происходил один из самых сложных избирательных процессов с момента возвращения к гражданскому правлению в 1985 году, после трех десятилетий правления военных и вооруженных конфликтов, повлекших за собой гибель людей, исчезновения и задержания. Было выдвинуто 22 кандидата в президенты, причем во второй тур прошла консервативная партия «Национальное единство надежды» (UNE) и прогрессивная партия «Семилья» (с исп. «Семя» - прим. пер.). Успех партии «Семилья» был неожиданным, учитывая ее недавнее основание и тот факт, что она не занимала первых мест в опросах. После первого тура 25 июня и объявления о том, что второй тур состоится 20 августа, началась согласованная реакция со стороны правых секторов, выражающих интересы элиты и наиболее непокорных слоев национальной армии.

>>

Стратегия, принятая для атаки на Бернардо Аревало и Карин Эрреры, президентского кандидата партии «Семилья», представляла собой юридическую схему, демонстрирующую чрезвычайно сильную кооптацию институтов правосудия. Опираясь на необоснованную жалобу, неполноценное расследование и предвзятые действия судьи, который применял критерии уголовного, а не избирательного права, СМИ начали строить нарратив о фальсификации выборов. Поступали просьбы о приостановке деятельности партии Семилья. Несмотря на такое жесткое противодействие, Семилья одержала неоспоримую победу во втором туре, набрав 58 % голосов: такой результат стал показателем желаний перемен со стороны граждан, уставших от коррупции, нарушавшей верховенство закона, опустошающей национальную казну и подрывающей демократию.

> Попытки переворота в условиях «новой весны»

Энтузиазм граждан выражался в личных действиях под лозунгами, отражающими веру в возможность «новой весны», отсылающим к революции 1944 года, которая стала переломным моментом политической истории страны после почти столетнего правления диктаторов. Более того, эту демократическую весну возглавил доктор Хуан Хосе Аревало Бермехо, отец нынешнего президента и лидер партии «Семилья», который, кстати, является социологом. Это совпадение многие сочли добрым предзнаменованием неотложных преобразований, необходимых стране, переживающей институциональный упадок и подавление инакомыслия, особенно в предыдущее десятилетие.

Конституционный суд и Верховный суд присоединились к юридическому заговору против партии Семилья, усилив давление на Верховный избирательный трибунал, после того, как тот объявил официальные результаты выборов президента. В рамках судебного преследования в сентябре 2023 года в штаб-квартире Трибунала был проведен обыск Специальной прокуратурой по борьбе с безнаказанностью - беспрецедентный акт, который был охарактеризован как нарушение результатов народного голосования, поскольку сотрудники прокуратуры без какой-либо четкой цели изъяли несколько ящиков с бюллетенями, поданными гражданами.

Этот сценарий привел к мобилизации граждан, требующих отставки генерального прокурора и ее команды за их действия в этом и других случаях уголовного преследования тех, кто осуществляет свое право на протест и критику правительства. Около ста журналистов, судей, прокуроров и активистов вынуждены были покинуть страну, чтобы обеспечить свою безопасность. Другие, такие как адвокат и бывший прокурор по борьбе с коррупцией Вирхиния Лапарра и журналист Хосе Рубен Самора, уже более года содержатся в предварительном заключении без серьезного обоснования их дел и считаются политическими заключенными.

Кроме того, 16 ноября 2023 года прокуратура арестовала и предъявила обвинения пяти студентам универси-

тета и молодому активисту по делу, известному как «Захват Университета Сан-Карлос де Гватемала» (Toma de la USAC). Захват университета был акцией протеста против избрания нового ректора на период 2022-26 гг. с целью реализации права на защиту автономии единственного государственного университета, узурпированного людьми, которые не соответствовали установленным критериям для занятия должностей в ректорате университета. Они присвоили себе эти должности, прибегнув к незаконным действиям, угрозам и применению силы в 2022 году. В этом деле прокуратура попыталась связать нынешнего вице-президента Карин Эрреру, которая до начала избирательной кампании была профессором химического факультета, с участниками акции захвата университета. Как видно, с «путчистский пакт» не жалеет усилий, чтобы делегитимизировать и аннулировать победу Семилья на выборах.

> Демократия под народной защитой

2 октября 2023 года власти 48 кантонов Гватемалы (система общинных органов власти, берущая начало в истории народа к'иче из Тотоникапана), обычно не участвующие в национальной политике, публично потребовали отставки генерального прокурора, двух следователей прокуратуры и судьи, которые рассматривали судебные иски против партии Семилья и одобрили нарушение прав избирателей.

Столкнувшись с отказом подчиниться, власти 48 кантонов начали мирное шествие, преодолевшее 200 километров до столичной прокуратуры, и призвали общественные движения и власти других городов присоединиться. Они выдвинули три аргумента: судебное преследование, поддерживаемое прокурором, ослабляет основы демократии, игнорируя конституционный закон о выборах; воля народа игнорируется; эта борьба касается не только партии Семилья.

Эти события стали качественным прогрессом в социальной мобилизации в Гватемале за последние десятилетия. Во время последней значительной вспышке протеста граждан в 2015 году, направленной против коррупции в высших органах власти, мобилизация ограничивалась столицей. Теперь же инициатива исходит от властей коренных народов на различных территориях: 48 кантонов, включая власти Сололы, Иксилеса, Какчикелеса, К'екчи, Чортиеса, Синкаса и других, а также некоторые районы столицы.

Начиная с первой недели октября 2023 года, тысячи людей выходили на главные магистрали страны, перекрывая их в 80 различных точках; тем самым они выражали поддержку лидеров коренных общин (кантонов). Уровень организации был впечатляющим. Для обеспечения постоянного присутствия протестующих у здания прокуратуры были организованы смены дежурств, гарантирующие питание и необходимые условия пребывания 300-400 человек ежедневно. Эту задачу выполняли в основном женщины, которые руководили «кухней солидарности» в течение более ста дней, пока протестующие находились в столице.

>>

Важный вклад внесли мигранты в Соединенных Штатах, которые еженедельно выражали свое участие в пожертвованиях и политических акциях перед консульствами Гватемалы в нескольких городах США, а также Канады и Европы. Огромную роль сыграли социальные сети.

В городе множились блокады, возглавляемые соседскими и религиозными группами, студентами, неформальными лоточниками и обычными рабочими, которые организовывали такие необычные акции, как занятия танцами и йогой на улицах, лотерейные игры, спонтанные концерты и уличные беседы. Помимо политических протестов, их целью было отвоевать общественные пространства в городе, задыхающемся от нехватки транспорта, услуг и общественной безопасности.

Улица перед прокуратурой стала демократическим пространством для осуждения, анализа, церемоний майя, религиозных ритуалов, игр, пения, танцев и речей на всех языках коренных народов. В этом импровизированном лагере кипели идеи и предложения, высказывались женщины, старики и молодежь, внимательно следя за каждым шагом так называемого «пакта заговорщиков», в который входили Генеральная прокуратура, сговорившиеся судьи и магистраты, а также сам президент вместе со своим кабинетом.

Протест был мирным, несмотря на попытки спровоцировать силовую реакцию полиции. За 106 дней протеста произошло лишь одно нападение вооруженных людей на шоссе Сан-Маркос на юге страны, в результате которого один человек погиб и двое получили ранения.

Другими важными акторами в этот период были Организация американских государств (ОАГ), правительство США и Европейский союз. Все они следили за избирательным процессом с помощью специальных миссий, которые сообщали о прозрачности двух голосований и, следовательно, о легитимности двух избранных кандидатов. ОАГ выступила с заявлениями, в которых выразила свою обеспокоенность преследованием партии «Семилья», бесконечными судебными разбирательствами - за-

частую непонятными и беспредметными - и нарушением прав избирателей.

Ситуация в Гватемале стала предметом нескольких внеочередных встреч и постоянного присутствия Посреднической миссии Генерального секретаря ОАГ в течение длительного периода между голосованием 20 августа и инаугурацией Бернардо Аревало 15 января 2024 года. Один из аспектов, который стоит отметить, — это создание под эгидой Миссии пространства диалога, который поставил власти коренных народов и правительство Республики в равные условия. Хотя этот диалог не принес коренным народам ожидаемых результатов, он стал важным подтверждением их лидерства и требований граждан.

Эти 106 решающих дней для демократии в Гватемале были временем неопределенности, выражением стремления к переменам и свидетельством хрупкости институтов. Действия властей поддерживали атмосферу тревоги среди граждан вплоть до момента инаугурации новой президентской пары. Несмотря на попытки остановить новую весну, мы жили...

*Сто и шесть дней
чтобы вернуть воспоминания
восстановить ткани
выступить
на всех языках
подтвердить достоинство
вернуть радость как право
разбудить граждан
для трансформации скрытого,
в массе тел на улицах
которые оспаривают смысл истории.
Сто шесть дней
которые оставили свой след в сознании.
которые не отступят ■*

Адрес для связи: <amonzon@fiacso.edu.gt>
Twitter: [@AnaSilviaMonzo1](https://twitter.com/AnaSilviaMonzo1)
Перевод Дарьи Холодовой

> Социальные движения после неудачи конституционного процесса в Чили

Кармен Хемита Ояро Видаль, Автономный университет Чили, Чили

“Неолиберальная модель родилась и умрет в Чили”.
Фото: Moisés Palmero.

В октябре 2019 года в Чили началась крупнейшая в современной истории страны протестная мобилизация. Чилийские социологи дали множество оценок этой волне протестов, однако следует выделить три основных тезиса. Первый, довольно распространенный, предполагает, что подъем 2019 года ознаменовал собой пик (а также завершение) предыдущего этапа мобилизаций, требовавших восстановления социальных и политических прав. Начало этому циклу было положено в 2011 году студенческим движением, социальные требования которого не могли быть удовлетворены без установления нового демократического порядка. Вторая интерпретация выдвигает тезис [автономизации протеста](#) и описывает дистанцирование социальной мобилизации от институциональных политических акторов, таких как профсоюзы и политические партии. В чилийском случае разрыв между институциональной политикой и социальными движениями получил свое максимальное выражение в Конституционном конвенте 2021 года. В-третьих, развивается тезис о том, что процесс политизации, пережитый чилийским обществом в период с 2019 по 2021

год, был противоречивым и сложным явлением, возникшим из парадоксов и трудностей повседневного переживания неолиберализма. В такой ситуации, с одной стороны, отдельные индивиды более способны к действию, а с другой – острее воспринимается несправедливость и неравенство. Тезис о [политизации субъективного дискомфорта](#) объясняет трудности чилийского общества в создании коллективного проекта, альтернативного неолиберализму.

> Конституционный опыт 2021 года и поражение 2022 года

После массовых протестов в Чили в конце 2019 года большинство политических партий страны согласилось запустить процесс консультаций с гражданами и таким образом инициировать новый конституционный процесс. В октябре 2020 года был проведен референдум, на котором более 78 % избирателей одобрили начало конституционного процесса, который будет проводиться «Конституционным собранием», избранным в мае 2021

>>

года. Впервые представители исторически исключенных социальных групп (женщины, коренные народы и члены различных общественных движений) оказались в институциональном пространстве, в котором они имели возможность принимать решения и оказывать общественное влияние. Кроме того, впервые чилийская Конституция разрабатывалась на всех этапах с помощью демократически организованного конституционного процесса.

В составе избранного Конституционного собрания преобладали независимые кандидаты, получившие 48 из 155 мест, а прогрессивные силы, призванные восстановить демократический порядок, были раздроблены. Большие надежды возлагались на конституционный процесс, который левыми рассматривался как главный политический итог протестов 2019 года и реальная возможность заново основать страну и свергнуть Конституцию 1980 года, принятую во время диктатуры Аугусто Пиночета (1973-89).

Конституционные дебаты привели к политическому и социальному напряжению в отношении вопросов, которые в предыдущий период считались само собой разумеющимися, таких как однородный характер чилийского общества, единство территории и понятие нации. Кроме того, новая Конституция ввела понятие социальных прав, основанных на солидарности.

Результатом работы Конституционного конвента стало представление в июле 2022 года новой Конституции Чили, которое через два месяца должно было быть ратифицировано населением. В тексте получили признание прежде исключенные исторически маргинализованные группы, а также представлен экологический и плюрикультурный взгляд на устройство общества. Однако 4 сентября 2022 года на референдуме по принятию или отклонению конституции, в котором приняли участие более 85 % населения (это был избирательный процесс с самым высоким уровнем участия в истории Чили), предложенный текст был отклонен 62 % голосов против всего 38 % «за».

> Эмоции и причины поражения

Итоги конституционного референдума оставили активистов и общественные движения в недоумении. Вспоминая этот момент, они объясняют, что месяцы работы Собрания были настолько напряженными, что его члены, видимо, не смогли вовремя понять, что содержание конституционного предложения просто не имеет смысла для широких слоев граждан. Ядро активистов, посвятивших себя разработке проекта Новой Конституции начало осознавать недовольство простых людей только во время избирательной кампании, когда было уже слишком поздно менять ход событий. Самым болезненным было осознание того, что «народ» не с ними. Однако они, похоже, отказывались принимать эту реальность; они думали, что смогут победить, потому что было так много желающих перемен.

Из-за усилий, связанных с проведением конституционного процесса, активисты испытали боль, когда увидели

результаты голосования. В ходе своего исследования я опросила нескольких активистов, которые описали поражение как процесс траура. Провал конституционного процесса на выборах ознаменовал смерть надежды на социальные перемены, за которые некоторые из них боролись десятилетиями. После интенсивной мобилизации 2019 года была огромная надежда на то, что наконец-то появится социальная и политическая сила, чтобы положить конец конституции Пиночета и закрепить в ней модели социальной и политической несправедливости.

С другой стороны, многие активисты, участвовавшие в этом процессе, считали, что потратили время и энергию впустую. Интересным аспектом является разрыв между повседневной жизнью активистов, наиболее вовлеченных в процесс, и тем, что, по их мнению, происходило «за пределами Собрания». В рассказах разных активистов их отчет приобретает жертвенный оттенок: воспоминания об изнурительных часах работы, недосыпании ради соблюдения сроков, откладывании семейного отдыха или досуга заставили их почувствовать, что население в целом не откликнулось на всю ту энергию, которую они вложили в подготовку проекта новой Конституции

За болью поражения последовал гнев в адрес неблагодарных избирателей, которые должны были стать бенефициарами социальных преобразований, которые несла новая конституция. Оценка поведения избирателей и причин, по которым подавляющее большинство отвергло предложение, вызвала напряженность среди активистов. Сразу после подведения итогов наиболее скептически настроенные люди не могли поверить в электоральную катастрофу. В то же время самые разочарованные считали, что результат референдума объясняется невежеством и кампанией дезинформации, которую вели правые. Другие винили себя в том, что недостаточно сделали для того, чтобы убедить людей. Но результат был очевиден: в Чили не было ни одного региона, где бы «да» новой конституции победило.

Спустя почти два года после фиаско на выборах активисты стали глубже задумываться о том, насколько далеки их требования от здравого смысла людей. Вспоминая, с какой страстью и горечью некоторые списывали со счетов итоги референдума, они считают, что пренебрежение или игнорирование доводов избирателей было их ошибкой. Кроме того, во время проведенных мною групповых интервью, участники согласились с тем, что невозможно добиться политического большинства, если те, кто утверждает, что представляет народные требования, игнорируют их.

Хотя активисты все еще выражают свою печаль по поводу провала процесса, теперь они понимают, как важно не идеализировать людей и не недооценивать их мотивы. Они также считают, что знание материальных проблем людей, живущих в самых сложных условиях, необходима для того, чтобы понять, почему определенные политические дискурсы не имеют для них смысла и почему они не заинтересованы в продвижении такого рода социальных изменений. Поэтому важно понять, почему так трудно представить общественное устройство, основанное на солидарности.

Когда активисты обсуждают другие причины поражения, они также признают, что им было трудно договориться со своими этическими и политическими принципами. В самый напряженный момент социальной мобилизации они поверили, что все возможно и что у них достаточно сил, чтобы вытеснить традиционных политических игроков. Подкрепленные неожиданным триумфом на выборах 2021 года, они решили, что нет необходимости вести переговоры даже с устоявшимися партиями.

Что касается радикального характера некоторых положений проекта новой Конституции, то, по мнению представителей движений, конституционный процесс стал историческим моментом для продвижения преобразований, в которых так нуждалась страна. Это было время, которое требовало максимальных усилий и завершения проекта, потому что парламент мог предать их в будущем. Однако опрошенные признали, что не обошлось и без высокомерия и неуступчивости со стороны их организаций, которые, руководствуясь своим триумфом и желанием сделать свое большинство ощутимым, отказывались вести переговоры и прислушиваться к аргументам других акторов.

Более того, политическая поддержка новой Конституции требовала не только уступок по конкретным положениям текста. Глубокие социальные и институциональные преобразования, предлагаемые в этом документе 2022 года, требовали предварительного социального и политического консенсуса. Такого консенсуса в Чили не было, даже если бы у движений хватило сил для продвижения конституционного процесса.

> Неужели все потеряно? Скрытая напряженность и территориальный сдвиг

Хотя группы активистов, участвовавших в Собрании, уже создали альтернативные политические партии (как в случае с *Solidaridad para Chile*), все указывает на то, что завоевание пространств представительства и создание массовой поддержки будет для общественных движений долгим и сложным делом. Пока что не существует эффективного способа преодолеть политическую фрагментацию, характерную для бывшего Конституционного собрания. Недоверие движений к правящим партиям говорит о том, что в будущем будет очень сложно создавать альянсы.

Территориальная ставка кажется наиболее надежной для сохранения идентичности движения. Многочисленные значения территории помогают нам определить приоритеты движений после поражения и их отношения с другими акторами (включая левые партии). В современных чилийских движениях мы можем выделить как минимум три значения территории. Во-первых, территория, определяемая как географическое и социально-экологическое пространство, свидетельствует о широком экологическом сознании, которое является сквозным для

активистов, и характерно не только для тех, кто в настоящее время действует или сотрудничает с экологическими организациями. Кроме того, внимание к территории подчеркивает важность территориального разнообразия в Чили. Жить на севере, в центре или на юге страны — это разные вещи. Небольшим сообществам не так сложно воспринимать себя как коллектив с единой идентичностью, как крупным, пространственно и социально сегрегированным городам.

Территория также возникает как политическое пространство и как принадлежность к группе. Социальные движения через обозначение места определяют свою социальную базу и тех, кто будет объектом «территориальной работы». Как социально-политические пространства, территории охватывают различных людей и формы повседневного сосуществования, в которых узнают себя организованные группы. С этой точки зрения, территория — это пространство значимых взаимодействий, которые определяют активистов и позволяют им быть признанными в качестве значимых собеседников.

Наконец, работа с представителями общин *мапуче* выявила третье значение понятия «территория». Для общин *мапуче* территория — это пространство, где на карту поставлен весь их образ жизни: материальная жизнь (доступ к земле и воде), политическая жизнь (свод правил сосуществования) и духовная жизнь. Земля и реки связаны между собой и связывают общины с памятью предков. Поскольку *мапуче* — это их территория, пространство политического сосуществования — это пространство общин. Община — это основное средство организации семей, живущих на одной территории. Речь идет о небольших общинах, в которых сосуществование регулируется политическим авторитетом (*лонко*) и духовным авторитетом (*мачи*).

Эти различные значения понятия «территория» значимы для понимания политических действий социальных движений в Чили после поражения учредительного процесса. Политическое участие происходит, когда представители движений получают признание, заменяя собой категории «низов» или «народа». Однако это ограниченное политическое пространство, в котором преобладают субкультурные или общинные связи. Социальные движения могут утратить способность влиять на общественную повестку дня. Но в политике два года — это большой срок. Нужно подождать и посмотреть, как движения справятся со связями между различными территориями и созданием новых посреднических механизмов, которые могут получить отклик на предстоящих муниципальных и парламентских выборах и в различных пространствах представительства. ■

Адрес для связи: <carmen.ovarzo@uautonoma.cl>
Перевод Дарьи Холодовой

> Подъем сопротивления правительству Милея

Хулиан Ребон, Университет Буэнос-Айреса и CONICET, Аргентина

Фото: Emergentes, CC BY-NC 4.0.

> Кто такой Милей?

Хавьер Милей — экономист и аутсайдер политической системы. Будучи телекомментатором, известным своим агрессивным стилем, он предложил долларизацию в качестве средства борьбы с растущей инфляцией в стране, отмеченной периодическими рецессиями. Через несколько лет после прихода в институциональную политику, не имея собственной политической партии, он победил две сменявшие друг друга в правительстве и поляризовавшие страну коалиции: левую — *Unión por la Patria* [Союз за Родину] — перонизм, и правую — *Juntos por el Cambio* [Вместе за Перемены].

Несмотря на скудные институциональные возможности — она имеет лишь незначительное меньшинство в парламенте и не управляет ни одной провинцией, — политическая коалиция *Libertad Avanza* [Свобода наступает] смело выдвинула новую программу, предусматривающую крайний неолиберализм в экономической сфере и авторитаризм на политической сцене. В агрессивном стиле, реализуемом в основном через социальные сети и СМИ, политический нарратив Милея определяет «касты» как своих врагов. Однако в основном он нападает на популизм — перонизм, левых, феминизм, профсоюзы и социальные движения. В то же время он включает в свой проект известных политиков разного происхождения и заручается поддержкой крупных экономических групп.

> Возникновение протестов против Милея

Изменения, внесенные Милеем, быстро встретили сопротивление на улицах, несмотря на ограничительную и репрессивную политику правительства в отношении протестов. Вскоре после его вступления в должность был законодательно утвержден протокол о борьбе с протестами, позволяющий силам безопасности ограничивать демонстрации на дорогах общего пользования. Запрет на «блокирование улиц», классическую форму протеста в репертуаре гражданских действий страны, а также возложение затрат на безопасность на сами общественные организации и создание специальных каналов, предназначенных для анонимных заявлений о предполагаемом

В конце 2023 года Хавьер Милей вступил в должность президента Аргентинской Республики, представив себя первым в истории президентом-либертарианцем. В своей инаугурационной речи он обратился к собравшимся сторонникам, стоя спиной к зданию Конгресса и находившимся в нем членам парламента. Он пообещал положить конец упадку Аргентины, внеся коррективы в государственную систему и «касту» — расплывчатый термин, обозначающий якобы привилегированные политические фигуры, от традиционных политиков до профсоюзных деятелей и государственных служащих. Собравшиеся на площади приветствовали его ликующими криками «no hay plata» (денег нет).

Первые 100 дней правления Милея ознаменовались бешеной корректировкой всего ортодоксального. Однако корректировка коснулась не столько «касты», сколько широкого и разнообразного социального спектра. Действия его «бензопилы», направленные на создание бюджетного профицита, как любит говорить Милей, привели к тысячам увольнений, закрытию различных учреждений, параличу общественных работ и отмене субсидий. Милей также применил шоковую терапию, которую он назвал «блендером»: за один день аргентинская валюта была девальвирована более чем на 50%, что привело к росту инфляции более чем в два раза. Это привело к резкой потере покупательной способности пенсионеров и рабочих (около 30%), уничтожению сбережений в песо, усугубленному отрицательными процентными ставками, а также к сокращению государственного бюджета.

принуждении посещать демонстрации, — вот некоторые из установленных дисциплинарных мер. В течение нескольких дней после вступления Милея в должность правительство подписало Указ о необходимости и неотложности (DNU), который предусматривает дерегулирование экономики, отмену десятков законов и проведение реформ в самых разных областях - от трудовых отношений до жилищного строительства и медицинского страхования. После этого шага правительства на улицах главных городов страны начались стихийные протесты и демонстрации, свидетельствующие о трудностях с соблюдением недавно принятого протокола борьбы с протестами.

Впоследствии правительство объявило о внесении в парламент многоцелевого законопроекта «омнибус», содержащего более 600 статей по различным вопросам, включая чрезвычайные полномочия президента, приватизацию и ограничение права на протест. Как это типично для подобных неолиберальных реформ, возникли различные линии сопротивления, обусловленные широкими социальными потрясениями, которые они вызывают. Профсоюзы и общественные движения взяли на себя ведущую роль в этом процессе, проведя в середине января всеобщую забастовку, которая мобилизовала толпы демонстрантов по всей стране. Различные акции протеста вспыхивали в общественных местах как до, так и после всеобщей забастовки. Репертуар протеста включал и отраслевые забастовки против увольнений и с требованием повышения заработной платы, и уличные протесты общественных движений против ограничений, наложенных на социальную политику, и протесты представителей культуры и науки против сокращений в целом ряде учреждений и многое другое. Сотни тысяч женщин вышли на марш 8 марта против экономического плана Милея и демонтажа гендерной политики.

Уличное сопротивление представляет собой новую тенденцию в акциях социальной оппозиции правительству, столкнувшемуся со слабостью политической оппозиции, главным образом перонизма, потерпевшего поражение на последних выборах и считающего значительную часть общества ответственной за нынешний кризис. Пока что это сопротивление не остановило общую реструктуризацию, хотя на ее пути были возведены препятствия. Судебные органы частично остановили DNU, особенно его трудовую часть. Первая версия закона «омнибус» провалилась в Конгрессе, в основном из-за неспособности или отказа президента вести переговоры с оппозицией, выступающей за диалог. Однако люди продолжают терять покупательную способность. Правительство сохраняет инициативу, и каждую неделю объявляются новые сокращения наряду с ликвидацией приобретенных прав. Социальное сопротивление возникло вскоре после начала правления Милея, когда протестующие заняли общественные пространства. Правительство, напротив, не мобилизовало поддержку на улицах с момента своего прихода к власти. Это не крайне правое крыло, которое апеллирует к формам общественного движения. Однако, учитывая исторические параметры протестов в Аргентине и, прежде всего, масштабы недовольства и разно-

образии затронутых сторон, с точки зрения масштабов это не самый значительный цикл протестов, по крайней мере, на данный момент. Различные формы сопротивления пока не удалось объединить в единый фронт.

> Недавние протесты: особенности, проблемы и тенденции

Несмотря на интенсивность недовольства, лежащего в основе протестов, текущий политический сценарий делает их развитие маловероятным. В частности, реакционное правительство выбирает конкретных игроков в качестве своих излюбленных врагов. Оно отказывается от диалога с ними и стремится ослабить их организационную мощь - например, изменяя правила работы профсоюзов, а также ограничивая спектр легальных форм борьбы и активно поощряя репрессии. В то же время правительство направляет свой дискурсивный и коммуникационный аппарат на эти группы, пытаясь представить их ответственными за критическую ситуацию и социальные волнения. Также очевидна сложность в определении политической позиции, выражаемой протестами, учитывая поражение перонизма - типичного ориентира для большинства организаторов. Провал последнего прогрессивного правительства, а также скорость и одновременность реформ усилили скептицизм пострадавших. Наконец, правительство все еще работает первый месяцы своего мандата, поэтому эффект некоторых его мер еще не полностью ощутим, и оно продолжает питать надежды и получать поддержку примерно половины населения страны. Это ограничивает возможность распространения недовольства в культурном климате, который все еще благоприятен для некоторых направлений политики правительства Милея.

Динамика протестов неясна, и будущее полно вызовов. С одной стороны, судьба правительства зависит от его способности стабилизировать экономическую ситуацию путем снижения инфляции и сформировать политическое и социальное большинство, которое позволит ему управлять страной и обеспечить себе более стабильную легитимность. Однако простое снижение инфляции - результат сам по себе непростой - не станет автоматическим подтверждением социального регресса и вызванной им перегруппировки неблагоприятных для трудящихся сил, если только главные участники протестов не потерпят поражение и не будут серьезно ослаблены. Если это произойдет, мы можем вступить в стадию более прерывистых, разрозненных и неорганичных конфликтов, не имея возможности обсуждать направленность изменений. С другой стороны, у недовольных на улицах и в институтах есть возможность направить социальную силу на противодействие правительству, опираясь на социальную, экономическую и политическую напряженность, которую вызывают эти действия. Не исключено, что, как и в других случаях в истории Аргентины, протесты изменят структуру политических возможностей, открывая новые сценарии. ■

Адрес для связи: <jrebon@sociales.uba.ar>
Перевод Дарьи Холодовой

> Айотсинапа: десять лет безнаказанности

Карлос де Хесус Гомес-Абарка, Университет наук и искусств Чиapas, Мексика

“Живыми вы их забрали! Живыми верните их СЕЙЧАС ЖЕ!” Фото:Хесус Гомес-Абарка, 2014г.

6 марта 2014 года в самом центре Мехико [провазничники и родители школьников из Айотсинапы, пропавших в 2014 году, ворвались в Национальный дворец](#). Поразительные кадры, на которых видно, как фургон сносит старинную дверь девятнадцатого века, распространились по всему миру. Протестующие продвинулись к стойке регистрации посетителей, и служба безопасности применила слезоточивый газ. Все это происходило, когда президент Лопес Обрадор проводил свою обычную утреннюю конференцию. Табличка, размещенная в окне дворца, гласила: «Мы просто хотим диалога». В свете этих событий мы задаемся вопросом: Что изменилось спустя десять лет после трагической «ночи Игуалы»?

> Факты и расследования

В ночь на 26 сентября и ранним утром 27 сентября 2014 года была проведена операция против группы учащихся сельской общеобразовательной школы «Исидро Бургос» в Айотсинапе, штат Герреро. В результате инцидента шесть человек были убиты, а еще 43 школьника похищены. Подобные события не редкость в регионе, который имеет долгую историю народной борьбы и государственных репрессий. Агрессия против студенческой молодежи связана с политикой правительства, негатив-

но влияющей на сельские школы, из-за их связей с Федерацией крестьянских студентов-социалистов Мексики (FECSM), а также с историческими отголосками крестьянских и студенческих восстаний. События происходили в районе, где на карту были поставлены многочисленные экономические и политические интересы, как законные, так и незаконные.

Во время правления Энрике Пенья Ньето (2012-18 гг.) расследование «исчезновения» 43 студентов Айотсинапы возглавлял генеральный прокурор Мексики (PGR) Хесус Мурильо Карам. 7 ноября 2014 года Мурильо объявил «историческую правду» о случившемся. Согласно этой версии событий, группа задержанных призналась в убийстве студентов. Студенты собирались сорвать мероприятие жены президента муниципалитета, и были задержаны полицией из Игуалы (штат Герреро), а затем доставлены в местный полицейский участок. Представленная таким образом «историческая правда» предполагала, что студенты были сожжены на свалке Кокула преступной группировкой «Геррерос Унидос», находившейся в сговоре с местной полицией.

С 2014 года родители, протестующие, аналитики и средства массовой информации подвергают сомнению эту версию, представляя свидетельства и доказатель-

ства, указывающие на то, что военное руководство знало об этих преступных действиях и было причастно к их совершению.

Заняв пост президента Мексики в 2018 году, Андрес Мануэль Лопес Обрадор (AMLO) активизировал расследование, создав Комиссию по установлению истины и доступу к правосудию по делу Айтотсинапы (COVAJ). Комиссия приступила к новому расследованию для выяснения фактов, гарантируя право на истину, справедливость и неповторение этих тяжких преступлений. Во [2-м докладе COVAJ](#) была опровергнута «историческая правда», выдвинуты новые гипотезы событий и признано, что произошедшее в Айтотсинапе было «государственным преступлением», в котором были замешаны различные органы власти и части мексиканской армии и флота.

По оценкам, в этой трагедии участвовало не менее 434 человек. Останки трех студентов были идентифицированы, и прокурор распорядился арестовать 132 человека, однако нет никаких доказательств того, что пропавшие студенты живы. Среди арестованных - представители армии, Guerreros Unidos, полиции и бывшие сотрудники Генеральной прокуратуры. За последний год были произведены значительные аресты, в том числе высокопоставленных чиновников, таких как бывший генеральный прокурор Хесус Мурильо Карам, один из тех, кто стоит за изобретением «исторической правды».

> Борьба за справедливость

В 2014 году во время марша памяти об убийстве студентов 2 октября 1968 года в Мехико почти ничего не было известно о местонахождении 43 студентов Айтотсинапы. Однако акция памяти превратилась в единодушный крик с требованием вернуть живыми тех, кто «исчез». Улицы исторического центра Мехико были перекрыты: студенты, гражданские организации и общественные движения прошли маршем от площади Трех Культур до Зокало, выражая свою боль, печаль, недоверие и возмущение эскалацией насилия в стране.

В последующие месяцы массовые марши и собрания участились в разных уголках Мексики и за рубежом. На фоне усиливающихся репрессий и противостояния с полицией родители 43 студентов, активисты, общественные организации и граждане присоединились к серии мега-мар-

шей, требуя справедливости и скандируя: «Это сделало государство!» Официальная информация была скудной, но население начало делать собственные выводы, выражая свое возмущение такими лозунгами, как «ни 43, ни 68», в знак неприятия продолжающихся репрессий и нарратива правительства.

Несмотря на снижение численности участников маршей после 1 декабря 2014 года, борьба родителей не ослабевает. Они продолжают искать поддержку и координировать свои усилия со студентами, гражданскими организациями и другими общественными движениями. Недавнее вторжение в Национальный дворец в марте 2024 года, возглавляемое родителями 43 студентов, было направлено на возобновление диалога с президентом и продвижение расследования.

Эта акция произошла в условиях, когда отношения между родителями и правительством AMLO стали напряженными, а наиболее значительные персоны, добивавшиеся прояснения ситуации в первые годы существования COVAJ, больше не участвуют в решении этой задачи. С одной стороны, родители 43 студентов указывают на отсутствие желания правительства прояснить дело, заявляют о защите военнослужащих и требуют обнародовать документы о военном шпионаже, которые могли бы стать ключом к расследованию, но пока не получили никакого ответа. С другой стороны, на заключительном этапе пребывания AMLO у власти правительство продолжает дискредитировать требования тех, кто ставит под сомнение официальную версию, причисляя их к «консерваторам» и предлагая родителям студентов встретиться без присутствия их адвокатов.

По мнению Сантьяго Агирре, директора Centro Pro, [это дело могло бы стать примером поворота в отправлении правосудия в Мексике](#) при новом правительстве. Однако оно стало одним из самых больших разочарований в действиях этой администрации, продемонстрировав власть военных и бездействие перед лицом упущений генеральной прокуратуры. Между тем, правосудие в отношении 43 студентов, похоже, так и останется долгом, который, скорее всего, унаследует следующая администрация. Получив лишь «полуправду», родители 43 студентов продолжают свои неустанные усилия по достижению правды и справедливости. ■

Адрес для связи: <jesus.gomezabarca@gmail.com>
Перевод Дарьи Холодовой

> Излишек и перемещение, беженцы и мигранты

Надя Бу Али и Рей Брассиер, Бейрутский институт критического анализа и исследований (BICAR) и Американский институт Бейрута, Ливан

Иллюстрация Арбу с использованием ИИ.

В данной статье мы попытаемся раскрыть понятие «избыточного населения» как характеристику безработных масс. Сюда входят массы, занятые прекарным трудом, исключенные из формальных отношений оплаты труда, и множества людей, которые в силу капиталистического обеднения обозначаются только общими категориями (беженцы, мигранты). Общие категории беженцев и мигрантов - это абстрактные описательные термины, которые требуют конкретного аналитического учета «избыточного населения» в рамках дифференциальной динамики глобального капитализма.

Капитализм неравномерен в своей изначальной форме конституирования; первичное накопление первично в той мере, в какой оно постоянно воспроизводится с производством прибавочной стоимости. При этом колониальный импульс является основополагающим для капитализма, который представляет собой систему как социальных, так и экологических отношений. С одной стороны, «капиталоцен» характеризуется [расходностью человеческой жизни и природы](#). С другой стороны, категория [«демографического лишения собственности»](#) описывает, как эта неравномерность переживается, в частности, и повсеместно, массами людей, чье исключение из формальных отношений оплаты труда является основополагающим для создания прибавочной стоимости.

> Избыточное население как пролетаризация

С самого начала необходимо устранить одно серьезное заблуждение. Избыточное население не является перемещенным по определению: оно не обязательно должно быть населением за пределами границ данной страны или национального государства. Это не просто следствие неравномерного развития, а скорее *следствие, которое становится причиной* в процессе капиталистического накопления. Маркс остро критикует грубую мальтузианскую логику, которая рассматривает перенаселение как закон природы и тем самым оправдывает отчуждение одних групп населения ради выживания других. Сегодня мы видим всплески мальтузианства в логике тех, кто стремится оградить национальные границы от притока избыточного населения, и тех, кто стремится истребить или перевести в другие страны население, которое может быть использовано. Продолжающийся экологический коллапс усложняет вопрос об избыточном человечестве и будет рассмотрен в следующем разделе, посвященном капиталистической экологии. Согласно анализу Маркса, не мальтузианская логика спроса и предложения порождает избыточное население, а логика валоризации, или максимизации прибавочной стоимости как таковой:

>>

«Капиталистическое накопление постоянно производит, и притом пропорционально своей энергии и своим размерам, относительно избыточное, т.е. избыточное по сравнению со средней потребностью капитала в возрастании, а потому излишнее или добавочное рабочее население. [...] Это – свойственный капиталистическому способу производства закон народонаселения, так как всякому исторически особенному способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы народонаселения.» (Капитал, стр. 644-646)

Существует закон народонаселения, свойственный капитализму: развитие производительных сил неизбежно приводит к относительному избытку населения. Закон спроса и предложения труда регулирует соотношение общей заработной платы (рабочего класса, т. е. рабочей силы) и совокупного общественного капитала: «Чем выше производительность труда, тем сильнее давление рабочих на средства найма, тем более шаткими становятся условия их собственного существования» (там же, 654, выделено автором). Аналогичным образом, «машины создают избыток рабочего населения» (там же, 383-384). В этом контексте именно сами отношения найма приводят к обнищанию и пролетаризации рабочего класса.

Это означает, что относительный излишек населения становится одновременно причиной и следствием развития производительных сил через отношения оплаты труда. Хотя капитализм развивает производительные силы (механизация, автоматизация и т. д.), это не означает, что он также развивает рабочую силу; скорее наоборот: по мере развития производительных сил стоимость воспроизводства рабочей силы снижается, и заработная плата уменьшается. Развитие производительных сил обусловлено необходимостью повышения уровня эксплуатации (темпов извлечения прибавочной стоимости, произведенной рабочей силой) и, тем самым, увеличения соотношения прибавочного и необходимого труда, причем не только в рамках трудового процесса, но и во всей популяции наемных работников. Поскольку все больше прибавочной стоимости извлекается из все меньшего количества рабочей силы, все большее число наемных работников становится лишним для процесса валоризации.

Капитал создает безработицу, которая является условием реального поглощения процесса труда (т.е. его реструктуризации с целью максимизации нормы эксплуатации). Таким образом, безработные, избыток и излишек, являются основой существующей системы эксплуатации. Капитал воспроизводится за счет эксплуатации рабочей силы, а рабочая сила воспроизводится, позволяя эксплуатировать себя капиталу, но увеличение стоимости капитала не влечет за собой увеличения стоимости рабочей силы. Напротив, экспансивное самовозрастание капитала влечет за собой обесценивание труда, то есть постоянно увеличивающееся соотношение избыточного и необходимого труда, безработных и занятых. Это означает, что, отделив сначала труд как таковой от средств производства, капитал затем отделяет все большую часть рабочих от процесса производства, посредством которо-

го они вынуждены воспроизводить себя. Это вторичное вспомогательное отделение (занятых от безработных) следует за первичным отделением (производителей от средств производства). Вопрос заключается в том, как вновь соединить избыточный и необходимый труд, или безработных с занятыми:

«[...] пролетариат определяется тем, что он отчужден от средств воспроизводства и вынужден воспроизводить себя, воспроизводя капитал. Воспроизводство пролетариата (стоимость его рабочей силы) поддерживается в соответствии с воспроизводством капитала посредством «нормального» действия закона стоимости: если заработная плата поднимается слишком высоко, капитал нанимает меньше рабочих, создавая таким образом резервную армию труда, оказывающую понижающее давление на заработную плату. Суть в том, что до тех пор, пока занятые и безработные не объединятся, заработная плата всегда будет снижаться в соответствии с требованиями накопления капитала.» (Б.П. Хансен)

Таким образом, избыточное население как «резервная армия безработных» и безработный «люмпен-пролетариат» одновременно являются внутренними для капиталистического ядра, то есть для тех областей мира, которые полностью интегрированы или поглощены капиталом, и периферийными для этого ядра, то есть существуют в тех областях, которые пока лишь частично или формально поглощены капиталом (Третий Мир или Глобальный Юг). Это означает, что прибавочное человечество, создаваемое капиталом в процессе его воспроизводства, существует как в центре (ядре), так и на периферии капиталистических производственных потоков.

> Видимые массы и невидимые рабочие

Избыток населения обычно проявляется в виде народных масс. От Парижа до Южной Америки, Ближнего Востока и Южной Азии в последние десятилетия мы наблюдаем внезапные вспышки массовых демонстраций жителей трущоб и лагерей, а также то, что можно назвать восстаниями беженцев. Эти, казалось бы, спонтанные массовые восстания являются видимым проявлением обычно невидимой структурной динамики. Но они являются субъективными проявлениями объективной структуры: это субъективные моменты превращения невидимого в видимое.

Структурный анализ должен выявить условия для этого видимого, субъективного проявления невидимой, объективной структуры. Первый шаг в таком анализе – различение перемещенного и избыточного населения. Хотя массы людей появляются на государственных границах в качестве беженцев и мигрантов, не только они могут быть определены как избыточное население. Причины этого распрстраненного заблуждения могут быть идеологическими: несомненно, проще рассматривать избыточное население с точки зрения прав человека, которые направлены на интеграцию и предоставление прав на убежище иностранцам и экспатриантам в развитых государствах. Однако я утверждаю, что эта точка зрения не позволяет удовлетворительно решить вопрос ни концептуально, ни практически.

>>

Избыток населения — это не обязательно перемещенное или мигрирующее население. Как отмечает [Аарон Бенанав](#), начиная с 1950-х годов большая часть городских безработных в странах с низким и средним уровнем дохода (СНД) фактически является уроженцами городов: «Уже в 1950-е годы большая часть прироста городского населения в странах с низким и средним уровнем дохода была обусловлена тем, что люди рождались в городах, а не мигрировали туда». Бенанав утверждает, что «несмотря на замедление темпов урбанизации после 1980 года, городская рабочая сила с низким уровнем доходов продолжает быстро расти во всем мире». Городские рабочие не просто появляются из ниоткуда или прибывают из других мест; они возникают как симптомы процессов пролетаризации, которые развиваются на фоне заторможенного роста позднего капитализма. При замедлении темпов урбанизации наблюдается демографический рост городской бедноты, которая уже произвела на свет несколько поколений детей, которые, как и их родители, продолжают работать в неформальном секторе. Пролетаризацию можно понимать просто как «рост доли населения, выживание которого зависит от продажи своего труда». Этот рост пролетаризации объясняется не миграцией сельского населения в города. Это заблуждение поощряется исследованиями в области развития. Скорее, низкий спрос на рабочую силу в странах с низким уровнем дохода обусловлен двумя основными факторами: 1) высоким уровнем экономического неравенства, что ведет к производству капиталоемких товаров, востребованных, в первую очередь, элитой, а не трудоемких товаров, востребованных широкими слоями населения; и 2) технологическим прогрессом и автоматизацией, импортируемыми из промышленно развитых стран. Таким образом, экономика стран с низким уровнем дохода является скорее капиталоемкой, чем трудоемкой.

Несмотря на заявления экономистов (особенно американских) о росте занятости и необходимости адаптации к глобальному рынку труда, сделанные в последнее десятилетие, для размещения рабочей силы из стран с низким уровнем дохода и других стран было сделано недостаточно. Будучи ведущей мировой державой, Америка могла бы сделать многое, чтобы предотвратить усиление изоляционистской политики, возникающей как в ней самой, так и в других странах мира. Неспособность Глобального Севера перераспределять выгоды мировой экономики была предсказана еще во время дебатов по НАФТА в 1990-х годах, а также во время дебатов о том, как поступать с нелегальными иммигрантами в начале этого века. Сегодня ситуация стала еще хуже, поскольку мы наблюдаем задержание нелегальных иммигрантов на границах и в лагерях, строительство пограничных стен и так далее.

> **Трудовые мигранты попадают в цикл неустраиваемости и изгнания, сталкиваясь с социально-культурными предрассудками**

В частности, в регионе Ближнего Востока и Северной Африки история во многом определяется потоком беженцев и мигрантов. После распада Османской империи в конце XIX века и последующей европейской колонизацией региона, разделенного между англичанами и французами, возникновение национальных государств в

результате колонизации сопровождалось территориальным разделением региона в соответствии с колониальными интересами. Оккупация исторической Палестины в 1948 году в результате притока еврейских мигрантов из Европы привела к тому, что 750 000 палестинцев стали беженцами в соседних странах. В Ливане от 260 000 до 280 000 [палестинских беженцев](#) распределены по 12 лагерям и 42 поселениям. В настоящее время население Ливана составляет 6,8 миллиона человек, а палестинских беженцев, [по данным БАПОР](#), около 250 000. Они составляют примерно 5,6% [ливанской рабочей силы](#), 50% которой — неливанцы. Палестинцы в Ливане по-прежнему исключены из официального рынка труда и лишены права на официальную заработную плату, владение собственностью и другие основные гражданские права. Как и в случае с другими беженцами, ливанские ограничения на трудоустройство не позволяют палестинцам получить доступ к таким либеральным профессиям, как медицина, инженерное дело и юриспруденция, что [вынуждает палестинцев работать на нестабильном неформальном рынке труда](#), характеризующемся краткосрочной и низкооплачиваемой работой. Около половины работающих палестинцев заняты в строительстве и торговле или в смежных областях (оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспорта, ремонт бытовых товаров и т. д.), где очень высок уровень неформальности, продолжительность рабочего дня превышает среднюю, а большинство зарабатывает меньше минимальной ливанской зарплаты.

Помимо палестинцев, с 1950-х годов значительную часть трудовых мигрантов в Ливане составляют сирийцы. Эта доля резко возросла после начала гражданской войны в Сирии в 2011 году. В настоящее время в Ливане насчитывается 1,5 миллиона сирийских беженцев. Вместе с палестинцами они составляют примерно четверть всего населения Ливана. В книге «Невидимая клетка ([The Invisible Cage](#))» Джон Чалкрафт показывает, как взаимосвязаны принудительная миграция и принудительный труд. Они являются результатом динамики рынка труда, основанного на принудительном труде, и бесконечной ротации рабочих-мигрантов, находящихся в постоянном цикле длительного неустраиваемого существования и изгнания.

В 2024 году «невидимая клетка труда» стала резко более заметной: после финансового краха в Ливане в 2019 году в условиях растущей нехватки ресурсов и возможностей трудоустройства сирийские рабочие все чаще сталкиваются с предрассудками, ксенофобией и карательной дискриминацией. Резкий рост числа сирийских рабочих усугубляет антисирийские настроения наряду с обнищанием ливанского рабочего класса на фоне усугубляющегося экономического кризиса в стране. По данным Международной организации труда, [коэффициент участия в рабочей силе в Ливане](#) составляет 43,4 %, что указывает на то, что менее половины трудоспособного населения либо работает за плату или прибыль, либо ищет работу.

Пролетаризация не приводит к солидарности рабочих разных национальностей и расовых групп. Напротив, она влечет за собой обнищание и прекарность, что, в свою

>>

очередь, приводит к фрагментации рабочего класса. В Ливане рабочий класс состоит из ливанских, сирийских, африканских и азиатских рабочих, которые выполняют большую часть репродуктивного труда в стране, включая домашний труд и уход и другие формы прекаризованного труда. Около 90 % сирийских беженцев в Ливане работают неофициально. Уровень бедности среди них вырос на 56 % с начала пандемии Ковид-19 в 2020 году. Растущая конкуренция на неформальном рынке низкоквалифицированного труда вынуждает беженцев соглашаться на неадекватные условия труда, характеризующиеся длинными рабочими днями, низкой зарплатой и отсутствием правовой защиты, медицинского страхования или оплачиваемого отпуска по болезни. Сирийские работницы также вынуждены мириться с неадекватным транспортным сообщением, отсутствием помощи в уходе за детьми и социокультурными предрассудками. Такие условия делают беженцев более уязвимыми для ареста, принудительной репатриации и депортации.

Между тем сирийские беженцы, решившие работать официально, должны быть зарегистрированы ливанским работодателем как трудовые мигранты по договору о спонсорстве или аренде. Как и в случае с палестинцами, официальное трудоустройство сирийцев, как правило, ограничено тремя секторами: экологией, сельским хозяйством и строительством, для чего требуется вид на жительство стоимостью 200 долларов в год. Беженцы могут найти официальную работу в некоторых других секторах, но при этом сталкиваются с многочисленными финансовыми и бюрократическими препятствиями, не в последнюю очередь связанными с продлением вида на жительство: в 2020 году около 70 % [зарегистрированных сирийских беженцев](#) в Ливане (особенно в возрасте 15 лет и старше) не имели вида на жительство, что серьезно ограничивало не только их возможности зарабатывать на жизнь, но и свободу передвижения.

> Управление избыточным населением как неотъемлемая часть воспроизводства капитала

Важно отличать экономических мигрантов от рабочей силы беженцев. По данным [Элизабет Лонгуэссес](#) и [Поля Табара](#), рабочая сила Ливана состоит примерно на 15% из трудящихся-мигрантов и на 35% из сирийских рабочих. Выше мы подчеркнули необходимость отличать избыточное население от перемещенных лиц или беженцев. Однако проблемы этих групп переплетаются в политэкономии Ливана, где сирийское и палестинское население состоит как из мигрантов, так и из беженцев. На рынке труда Ливана эти слои населения находятся во вдвойне неблагоприятном положении: они составляют избыток по отношению к рабочей силе, которую капитал считает необходимой, и в то же время являются вытесненными по отношению к формально и неформально интегрированной рабочей силе (состоящей из ливанцев и представителей других национальностей). Их положение демонстрирует, что среди наемных работников различаются суперпозиции необходимого и избыточного труда, с одной стороны, и интегрированно-го и перемещенного труда, с другой.

Любой политический анализ, не учитывающий это различие, подвергается двойному риску. С одной стороны, он заставляет нас предположить, что беженцы представляют собой случай «неполной миграции», т.е. проблему, которую можно смягчить либо возвращением домой, либо получением формального статуса гражданства. Это предположение, в свою очередь, означает, что решения, как правило, рассматриваются на уровне прав и социального признания. Первая проблема такого подхода, очевидно, заключается в том, что он затушевывает более глубокий и широко распространенный эффект капиталистической социальной динамики - который в равной степени затрагивает как перемещенное, так и не перемещенное население рабочего класса - и формулирует решения и ответы в терминах, которые еще больше дистанцируют сектора рабочего класса, которые, по сути, разделяют общие политические условия. С другой стороны, если не принимать во внимание различие между рабочей силой мигрантов и беженцев, возникает дополнительный риск свести политические проблемы к простому управлению кризисным сценарием, как это делают многие неправительственные организации, стремящиеся оказать помощь в ответ на социальные и природные трагедии.

Непризнание этого различия лишает нас понимания того, что управление избыточным населением — это не внешняя деятельность, противостоящая причинам бедственного положения населения. Это деятельность, которая является неотъемлемой частью воспроизводства капитала. Такое управление не только позволяет снизить стоимость труда за счет конкурентного давления, которое оказывает на рабочую силу резервная армия труда, но и встраивается в разорванную цепь социального воспроизводства, позволяя сохранить в неприкосновенности более широкую цепь капиталистического воспроизводства. Помимо того, что такой подход увеличивает раскол между секторами международного рабочего класса, он в конечном итоге рассматривает беженцев как *лабораторию кризисного управления*, которая затем может быть использована в качестве основы для новых социальных технологий управления безработными, неполной занятостью и нищим рабочим классом в более широком смысле.

Признать особое качество труда беженцев - рассматривать его как симптом, выявляющий внутреннюю связь между *социальной дезинтеграцией* и *экономической интеграцией*, которая не блокирует цикл социального воспроизводства, а делает его возможным, - значит открыть пространство для новой постановки вопроса о том, каким должен быть структурный ответ социальной системе, питающейся катастрофами. ■

Адреса для связи: <nadiabouali@gmail.com>, <ray.brassier@gmail.com>

Эта статья опубликована в сотрудничестве с [Институтом Аламеда](#).
Перевод Дарьи Холодовой

> Апроприация или использование?

Экологическое измерение трудовых конфликтов

Саймон Шаупп, Университет Базеля, Швейцария

Фото: Ricardo Gomez Angel, 2017.

Осенью 2022 года несколько тысяч швейцарских строителей организовали забастовку. Отраслевая ассоциация рабочих выступила с требованиями повысить продолжительность рабочей недели до максимума в 58 часов, выдвинув очень странный, на первый взгляд, аргумент – изменение климата. В настоящее время на глобальном уровне неблагоприятная погода замедляет выполнение 45% строительных проектов, однако, ожидается, что изменение климата приведет к росту интенсивности и частоты наступления неблагоприятных условий для строительных работ. Еще важнее то, что температура выше 24 градусов коррелирует со снижением производительности труда. Это делает стро-

ительную отрасль наиболее страдающей от волн жаркой погоды. В то же время строительство является основным источником загрязнения окружающей среды и парниковых эффектов; только производство цемента отвечает за 8% глобальных выбросов CO₂.

> Господство природы как ингредиент производства

В своей последней книге, вышедшей в Германии, [Stoffwechselfolitik. Arbeit, Natur und die Zukunft des Planeten](#) [Метаболическая политика, труд, природа и будущее планеты]

>>

я утверждаю, этот и другие трудовые конфликты могут научить нас пониманию связи между капиталистическим трудовым процессом и экологическим кризисом. Существует удивительное соответствие между мейнстримной экологической экономикой и марксистским подходом в понимании того, что ключевой причиной разрушения окружающей среды является отношение, в результате которого природа «апроприруется» без выплат, что стимулирует ее неограниченное избыточное использование. Конечно, так оно и есть, однако аналитическое основание понятия присвоения (апроприации) природы становится очевидным, когда оно обращается к образу природы как огромного склада сырьевых материалов, которые имеются в наличии и которые надо просто добыть и чьи «экосистемные услуги» сами по себе перетекают в процесс производства. Такой образ имеет мало общего с реляностью. Природа не существует как ресурс: необходимо приложить труд для того, чтобы «использовать природу». Понятие апроприации (присвоения) просто описывает деятельность, благодаря которой некоторые элементы природы становятся частной собственностью: это абстрактное понятие, которое не содержит никаких конкретных атрибутов. Именно человеческий труд принуждает при роду становиться частью процесса производства. Так, например, река не является сама по себе источником энергии, воды и пищи; существуют также риски наводнений, разрушающих посевы и поселения, или блокирующих транспортные пути. Поэтому утилизация природы всегда требует контроля: река должна быть направлена в канализированное русло, животные должны быть одомашнены, травы и сорняки выдолжены и т.д. Утилизация таким образом означает господство и ограничение автономии природы.

> Контроль над природой никогда не бывает полным

Тем не менее, никакой контроль не может полностью подавить автономию природы. Наоборот, с течением времени река разрушает канал, одомашненные животные заболевают, а сорняки вырастают снова и снова. Работа по контролю за природой никогда не кончается. Более того, использование природы должно всегда включать элемент рационализации: выживают лучшие сорта растений, выводятся более совершенные породы животных, ископаемое топливо используется для ускорения природного метаболизма, живые организмы подвергаются генетической модификации, чтобы они приносили экономическую пользу. И все же с течением времени подобная утилизация приводит к парадоксальным результатам, поскольку она подрывает сами основания того элемента природы, чья полезность должна быть увеличена. В результате обычно предпринимаются усилия по дальнейшей утилизации. Парадигмальным примером в этом отношении является формирование *пыльного котла*. В начале 20 века европейские поселенцы распахали прерии американского Среднего Запада, что привело к массивной эрозии почвы и возникновению пыльных бурь. Чтобы сохранить производительность, в сельском хозяйстве стали массово применять синтетические удобрения, пестициды и механизация, что, в свою очередь, привело к дальнейшим [утратам плодородия почвы](#).

> Труд человека: еще один природный ресурс

Существует очевидное сходство между утилизацией природы и утилизацией труда. Как и другие элементы природы человеческие существа не рождаются в качестве рабочей силы, но должны обучиться быть ею. Прежде чем иметь возмож-

ность работать, они в течение многих лет должны получать образование, т.е. усваивать социальные конвенции, которые являются основными условиями разделения труда. Кроме того, рабочие нуждаются в определенном объеме общего образования и технической подготовки, чтобы быть пригодными для найма. Когда люди истощены, они нуждаются в заботе и поддержке, а когда они заболевают, их рабочая сила должна быть восстановлена с помощью медицины. На рабочем месте человеческие тела становятся полезными благодаря рационализации и контролю.

Связь между утилизацией природы и утилизацией труда не ограничивается этой аналогией. Эти две формы использования необходимым образом зависят друг от друга. Превращение природы в полезный ресурс способствует интенсификации человеческого труда, что, в свою очередь, приводит к более интенсивной утилизации природы. Так, например, рабство и экономика плантаций континентализировали друг друга: избыточное производство хлопка, производимое таким образом вместе с интенсивным использованием сгораемого топлива, стали материальным основанием фабричного режима. В дальнейшем последовало сцепление с утилизацией других элементов природы, на что были направлены новые трудовые усилия. И все же впереди всегда маячил парадокс деструктивности процесса утилизации.

> Трудовая политика всегда является политикой в отношении окружающей среды

Этот тезис хорошо иллюстрируют сюжеты истории строительной отрасли промышленности. В 1892 году Франсуа Хеннебек запатентовал железобетон, что дало ему фактическую монополию на производство бетонных зданий в Европе в течение последующих десятилетий. Железобетон позволил строительным компаниям сократить затраты на труд, потому что он в значительной степени обесценил традиционную квалификацию каменщика. Теперь стены просто вырезались большими блоками. Более того, теперь в качестве основного материала использовался песок, а не дорогостоящий камень – производство бетона является основной причиной, по которой сегодня песок является наиболее востребованным добываемым ресурсом в мире. Поскольку только речной или озерный песок может быть использован в строительстве, его добыча и производство вызывает массовую деградацию экосистем. Более того, [углеводородные выбросы строительной отрасли](#) являются основной причиной климатических изменений, которые, в свою очередь, подрывают производительность труда в этой отрасли.

Если, как утверждал [Карл Маркс](#), труд всегда является преобразованием природы, то вся политика производства является в то же время, политикой окружающей среды или «метаболической политикой». Это означает, что для понимания истоков и способов разрешения экологического кризиса, мы должны с большим вниманием отнестись к проблемам труда, а конкретнее, к тому, как преодолеть деструктивное использование труда и природы в капиталистическом трудовом процессе. В этом смысле широко распространенные негативные последствия интенсификации работы имеют экологическое измерение, осмысление которого могло бы стать началом трансформативной метаболической политики. ■

Адрес для связи: <simon.schaupp@unibas.ch>, Twitter: @simschaupp
Перевод Елены Здравомысловой

> Цифровая двойная связь (Double Bind) на Ближнем Востоке

Мохамед Заяни, Университет Джорджтауна (Катар) и Джо Ф. Халил, Северовосточный Университет (Катар)

Фрагмент обложки книги [The Digital Double Bind \[Цифровая двойная связь\]](#) издательства Оксфордского университета.

На арабском Ближнем Востоке происходит значительная цифровая трансформация, открывающая новые возможности экономического роста, социальных изменений и роста политического могущества. Цифровые метаморфозы являются опасной силой, когда речь идет о внедрении электронного правления, телемедицины или цифрового судопроизводства. Они изменяют давно сложившиеся практики и придают новую жизнь секторам, казалось бы, обреченным на застой. Успешные региональные стартапы, такие как приложения службы доставки Careem, амбициозные урбанистические проекты, такие, как Neom и крупные инициативы, такие как Миллион Арабских Программистов, свидетельствуют об усилиях региона в сфере цифровизации. Все больше стран региона работают в сфере экономики знаний, инвестируя в цифровую инфраструктуру (напр., спутники, оптическое волокно, сети новых поколений), чтобы достичь надлежащего уровня цифровизации, сформировать всеохватные планы и запустить различные инициативы в цифровом мире.

> Региональные неравенства и внутренние напряжения

И все же Ближний Восток должен многое сделать для достижения должного цифрового уровня. В настоящее время для региона характерно выраженное неравенство: одни страны полностью погружены в цифровую трансформацию, а другие явно отстают в этом направлении. Неравный доступ к технологиям и различный уровень цифровой грамотности усиливают существующие неравенства и создают множественные цифровые разделения в регионе. Эти обстоятельства напоминают нам, что цифровая трансформация касается не только освоения новых технологий. Она влечет за собой установление сложного взаимодействия между технологическими инновациями и социальными изменениями, и это является вызовом упрощенным прогнозам трансформации на Ближнем Востоке.

>>

Цифровые трансформации не только создают новые беспрецедентные возможности, но также порождают дополнительные проблемы. Так, например, цифровизация на Ближнем Востоке порождает рост напряжения между импульсом к изменениям и сопротивлением ему. Это противоречие на региональном уровне порождает двойную связь (*double bind*), при которой освоение цифровых технологий одновременно способствует изменениям и поддерживает состояние застоя. Новые возможности цифровизации осваивают многие экономические, социальные акторы и политические режимы. Одновременно, согласно логике двойной связи, они создают ограничения для развития технологических инноваций и усиливают контроль над цифровой публичной сферой.

Осмысление этих сложностей заставляет нас переключиться от вопросов о том, что люди делают с помощью новых технологий к изучению противоречий, вызванных цифровизацией государства, рынка и общественной сферы. Вместо анализа цифрового мира, мы должны изучать социальный мир.

> Между модернизацией и сопротивлением

Исторически отношение Ближнего Востока с технологией непосредственно связано с процессом модернизации (*al-asrana*) и усилиями по борьбе с модерном (*al-hadatha*). В колониальный период и далее, вплоть до наших дней, регион осваивает новые технологии и одновременно сопротивляется им. Такая двойственность показывает, как освоение технологий связано с внутренней социально-культурной и политической динамикой. Обратимся к примеру Саудовской Аравии. В 1960е годы королевство сопротивлялось распространению телевидения, в 1990е годы настороженно относилось к интернету, и эти тенденции сопоставимы только со стремлением этой страны стать лидером в телеиндустрии и содействовать развитию сильного сектора цифровых медиа и местных стартапов.

В целом освоение технологии породило новые проблемы. Для новых независимых государств активизация дискурсов о технологической зависимости стала выражением протеста против западного влияния и могущества, которые сопровождались осознанием того, что доступ к западной технологии сказывается существенным образом на усилиях модернизации и планах развития. В современную эпоху высокой индустриализации экономическое давление, быстрый темп изменений и ускоренная урбанизация сделали трансфер технологии и экспертизы в регионе крайне насущной задачей.

Такой паттерн развития сохраняется и в условиях бума новых технологий. В последние десятилетия в условиях мощной глобализации и наступления цифрового капитализма курс модернизации сменил направление с технологического трансфера в традиционных отраслях промышленности к цифровой трансформации. В этом контексте освоение экономики знаний становится необходимым условием экономического роста и социальных перемен.

> Общие устремления и неравномерное развитие

На практике, однако, усилия цифровизации, в лучшем случае, являются неравномерными. Одна группа стран (напр. Йемен, Судан, Сирия), очевидно, отстают в развитии инфраструктуры информатики, технологий коммуникации (ICT) и цифровизации. Другие (страны Залива) - полноценно вовлечены в цифровизацию, инвестируют в новые поколения сетей и строят новые умные города. Если некоторые страны (ОАЭ, Катар и Саудовская Аравия) значительно выглядят на глобальной цифровой сцене и становятся эмергентными цифровыми державами, те страны, которые первыми освоили интернет (напр., Тунис), явно отстают в процессе цифровой трансформации. В то же время есть страны Ближнего Востока, богатые талантами информационных технологий (напр., Иордан), которые до сих пор не подключены к региональным IT-хабам.

Несмотря на то, что бедная инфраструктура часто ассоциируется с низкими экономическими показателями и ограничениями политической культуры, это не всегда так. Поэтому нужно с осторожностью относиться к типологии развития цифровизации, основанной исключительно на показателях инфраструктуры, экономики и политики. Цифровой ландшафт и развитость страны определяется самыми разнообразными факторами, включая исторический, культурный и макросоциальный контексты. Для полноценного анализа и разработки программ цифровизации необходимо нюансированное понимание сложных контекстов.

> Погружение в цифровой поворот

Даже в тех случаях, когда недостатки преодолеваются, погружение Ближнего Востока в цифровой поворот характеризуется напряжением между растущим стремлением к изменениям и торможением. Это и есть цифровая двойная связь, в которую заключен регион. В то время как государство, рынок и общественная сфера погружаются в цифровой поворот и осваивают новые технологии, адаптируя их к локальному контексту, эти же действия парадоксальным образом препятствуют существенным изменениям региона и содействуют застою.

Государства эффективно включаются в цифровизацию, но при этом вытесняют своих граждан из интернета. Государства развивают экономику знаний, построенную на инновациях и креативности, отказываясь при этом демонтировать клиентелистские экономические системы, основанные на титулах и привилегиях. Они способствуют развитию культуры стартапов, сохраняя при этом иерархичную и избегающую рисков бизнес-культуру.

И все же, несмотря на все эти сложности, важно признавать, что изменения и застой не являются взаимоисключающими феноменами. Путь развития Ближнего Востока характеризуется как преемственностью, так и трансформацией, что отражает внутреннюю динамику технологического прогресса и укорененность социально-культурных, экономических и политических паттернов. ■

Адреса для связи: <mz92@georgetown.edu>, <jkhalil@northwestern.edu>.

Twitter: @JoeKhalil

Перевод Елены Здравомысловой

> Открытое письмо ученых Газы

Ученые Газы*

Восстановленный лагерь солидарности с Газой в Колумбийском Университете на четвертый день его существования, 21 апреля, 2024г. Фото: Wikimedia Commons.

Палестинские ученые и сотрудники университетов Газы собрались, чтобы заявить о своем существовании, существовании своих коллег и студентов, чтобы заявить, что нашли взгляды устремлены в будущее, несмотря на попытки нас уничтожить.

Оккупационные силы Израиля разрушили наши здания, но университеты продолжают жить. Мы подтверждаем нашу коллективную решимость продолжать работать на нашей земле, продолжать преподавание и исследования в Газе в наших родных палестинских университетах при первой же возможности.

Мы призываем наших друзей и коллег во всем мире к сопротивлению продолжающейся кампании уничтожения науки (scholasticide) на территориях оккупированной Палестины, к совместной работе по восстановлению разрушенных университетов, к противодействию планам уничтожения и ослабления нагих научных институций. От нас и нашей возможности оставаться на нашей земле чтобы продолжать служение новым поколениям нашего народа, зависит будущее молодых людей Газы.

Этот призыв мы посылаем вам во время бомбежек в оккупированной Газе, из лагерей палестинских беженцев

в Рафахе и из мест временного добровольного изгнания в Египте и других странах, где наши коллеги нашли убежище. Мы обращаемся с этим призывом в то время, как израильская оккупация продолжает свою геноцидную кампанию против нашего народа и старается полностью уничтожить нашу коллективную и индивидуальную жизнь.

Наши семьи, коллеги и студенты погибают, мы снова становимся бездомными, так вновь повторяется опыт наших родителей во время массового изгнания и кровопролития 1947 и 1948 годов.

В результате того, что мы называем словом Накба наша гражданская инфраструктура, — университеты, школы, больницы, библиотеки, музеи и культурные центры – построенные поколениями людей, лежат в руинах. Намеренное разрушение нашей образовательной инфраструктуры – это очевидная попытка сделать Газу непригодной для жизни людей и уничтожить интеллектуальную и культурную ткань нашего общества. И все же мы стремимся не допустить этого и не дать погаснуть воле к знаниям и стойкости, которыми полны наши сердца.

Союзники израильской оккупации в США и ВБ открывают еще один фронт уничтожения науки (scholasticide

>>

front), поддерживая планы реконструкции, которые уничтожают саму возможность существования независимой палестинской жизни в Газе. Мы выступаем против таких планов и призываем наших коллег не поддерживать их. Мы также призываем университеты и наших коллег во всем мире взаимодействовать напрямую с нашими университетами во всех наших профессиональных академических делах.

Мы выражаем сердечную благодарность национальным и международным институциям, которые проявляют солидарность нашей позиции, поддерживают нас в эти тяжелые времена. И все же мы настаиваем на важности координации совместных усилий, направленных на возобновление работы палестинских университетов в Газе.

Мы считаем, что необходимо срочно возобновить работу образовательных учреждений Газы не только для того, чтобы поддержать нынешние когорты студентов, но также чтобы обеспечить долгосрочную устойчивость и выживаемость нашей образовательной системы в целом. Образование – это не просто распространение знания. Это жизненно важная основа нашего существования и луч надежды для палестинского народа.

Необходимо разработать долгосрочную стратегию восстановления инфраструктуры и возобновления всех ресурсов университетов. Однако выполнение этих задач требует значительного времени и финансирования, что ставит под вопрос возможность продолжать научную работу и может привести к сокращению персонала и утрате ресурсов, необходимых для работы.

При нынешних обстоятельствах, необходимо обеспечить мягкий переход к дистанционному преподаванию и реорганизацию операционных расходов, включая затраты на оплату труда преподавателей.

Поступления от платы за обучение – основной источник дохода университетов – резко сократились с началом

геноцида. Нехватка доходов оставила университетский персонал без оплаты труда и заставила многих искать работу в другом месте.

Финансовая напряженность, вызванная намеренной кампанией убийства науки, не только наносит невосполнимый урон преподавателям и всем сотрудникам, но также создает экзистенциальную угрозу будущему самих университетов.

В связи с этим, необходимо принять срочные меры для разрешения финансового кризиса, переживаемого научными учреждениями, чтобы обеспечить их выживание. Мы призываем все заинтересованные стороны срочно координировать усилия для достижения этой цели.

Восстановление академических учреждений Газы касается не только образования; это свидетельство нашей стойкости, решимости и нерушимой преданности цели создания будущего для новых поколений.

Судьба образовательных учреждений Газы - это судьба университетов, их сотрудников, преподавателей и студентов Газы, судьба всего палестинского народа. Мы высоко ценим усилия народов и граждан всего мира, направленные на прекращение геноцида.

Мы призываем наших коллег в своих странах и на международной арене поддержать наши упорные усилия по защите и сохранению наших университетов во имя будущего нашего народа и нашей возможности продолжать жить на палестинской земле в Газе. Когда-то мы построили эти университеты из шатров и палаток. Из шатров и палаток мы построим их вновь, при поддержке наших друзей. ■

* Письмо подписали 185 ученых из Газы. Полный список подписантов здесь: <https://www.aljazeera.com/opinions/2024/5/29/open-letter-by-gaza-academics-and-university-administrators-to-the-world>
Перевод Елены Здравомысловой

<https://globaldialogue.isa-sociology.org/>

 @isagdmag

www.isa-sociology.org